

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Александр Даллин

**ЗАХВАЧЕННЫЕ
ТЕРРИТОРИИ СССР
ПОД КОНТРОЛЕМ
НАЦИСТОВ**

**ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

1941—1945

За линией фронта. Военная история

Александр Даллин

**Захваченные территории
СССР под контролем нацистов.
Оккупационная политика
Третьего рейха 1941–1945**

«Центрполиграф»

1957

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62

Даллин А.

Захваченные территории СССР под контролем нацистов.
Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945 /
А. Даллин — «Центрполиграф», 1957 — (За линией фронта.
Военная история)

ISBN 978-5-9524-5388-3

Американский историк, политолог, специалист по России и Восточной Европе профессор Даллин реконструирует историю немецкой оккупации советских территорий во время Второй мировой войны. Свое исследование он начинает с изучения исторических условий немецкого вторжения в СССР в 1941 году, мотивации нацистского руководства в первые месяцы войны и организации оккупационного правительства. Затем автор анализирует долгосрочные цели Германии на оккупированных территориях – включая национальный вопрос – и их реализацию на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, на Кавказе, в Крыму и собственно в России. Особое внимание в исследовании уделяется немецкому подходу к организации сельского хозяйства и промышленности, отношению к военнопленным, принудительно мобилизованным работникам и коллаборационистам, а также вопросам культуры, образованию и религии. Заключительная часть посвящена германской политике, пропаганде и использованию перебежчиков и заканчивается очерком экспериментов «политической войны» в 1944–1945 гг. Повествование сопровождается подробными картами и схемами.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9524-5388-3

© Даллин А., 1957
© Центрполиграф, 1957

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Германия и Восток: предпосылки	8
Россия в нацистском мире	9
Источники разногласий	10
Путь к войне	12
«Барбаросса»: за и против	13
Переход через Рубикон	15
Глава 2	16
Нацистская мозаика	16
Первые шаги	17
Альфред Розенберг	18
Генрих Гиммлер	19
Армия и приказ о комиссарах	21
Предполагаемые наследники	23
Экономические учреждения	25
Министерство иностранных дел	26
Министерство пропаганды	27
Глава 3	29
Кремль и народ	29
Розенберг и национальный вопрос	30
Разрезание пирога	32
План завоевания	34
Три концепции	36
Глава 4	38
Периоды войны	38
На крыльях победы	39
На Востоке	40
Новый крестовый поход	42
Унтерменш	43
Армия и народ	44
Око за око	46
Ленинград	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Даллин
**Захваченные территории СССР под
контролем нацистов. Оккупационная
политика Третьего рейха 1941—1945**

Серия «За линией фронта. Военная история» выпускается с 2002 года

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Часть первая Обстановка

Глава 1 Германия и Восток 22 июня 1941 г

«К этому решению я пришел с большим трудом, но теперь я вновь ощущаю духовную свободу», – писал Адольф Гитлер Бенито Муссолини, сообщая своему союзнику по нацистскому блоку о предстоящем вторжении в СССР. Беспокойные двадцать два месяца договора о ненападении между Германией и Советским Союзом подошли к концу. «Я наконец свободен от этих душевных терзаний».

Пока немецкие самолеты сбрасывали первые бомбы на советские города, Йозеф Геббельс, стоявший во главе нацистской пропаганды, вещал гитлеровское воззвание: «...Отягощенный заботами, обреченный на месяцы молчания, я наконец могу говорить свободно... Народ Германии! Прямо сейчас свершается один из величайших военных походов за всю историю... Сегодня я снова решил доверить судьбу рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог, особенно в этой битве!»

22 июня 1941 г., незадолго до восхода солнца над протяженной границей между нацистской Германией и Советским Союзом, более трех миллионов немецких солдат двинулись на восток, в бесконечное пространство, которое на протяжении многих лет попеременно притягивало и отталкивало немецких мыслителей, солдат и государственных деятелей. Должно было произойти роковое столкновение, и весь мир в страхе затаил дыхание.

С начала осени 1939 г. Германия с невероятной быстротой покорила своих континентальных противников одного за другим. Пользуясь тем, что их тыл был в безопасности благодаря пакту Молотова – Риббентропа, немцы водрузили знамя со свастикой над мысом Нордкап в Норвегии, на Крите в Греции, в Варшаве в Польше и в Булони во Франции. Лишь Британия одиноко продолжала упрямо сопротивляться; США еще только начинали осознавать опасность роста влияния Германии. На востоке Европы Россия [СССР] и Германия контролировали обширные территории по обе стороны рубежа: от Петсамо (Печенги) в Арктике до устья Дуная. Древняя вражда и недавние междоусобицы были, казалось, забыты.

Теперь же скептически настроенный мир наблюдал за радикальным изменением ситуации. Титаны сцепились в схватке. Несмотря на многочисленные донесения разведки, Москва, кажется, была возмущена и сбита с толку внезапным «предательством» Гитлера. Британия, давно надеявшаяся на смену советского курса, теперь приветствовала своего единственного и главного союзника. Правительство Соединенных Штатов также одобрило вступление СССР в войну, несмотря на то что коммунизм для них считался «настолько же чуждым и недопустимым», как и нацизм. Так зародился шаткий и неуклюжий военный союз Москвы, Лондона и Вашингтона, а Адольф Гитлер стал его «крестным отцом».

Берлин, в свою очередь, выстраивал своих союзников и подчиненные ему государства в преддверии «великого похода на Восток». Румыния, Италия, Финляндия, Словакия, Венгрия, Хорватия и Албания одна за другой объявили войну СССР. От Испании и до Норвегии начался набор «добровольцев» на Восточный фронт. Германия бросила на передовую свои лучшие силы. Для всего мира Германия вновь стала несокрушимой силой.

Германия и Восток: предпосылки

На протяжении истории своего существования Германии и России постоянно приходилось выбирать между дружбой и враждой. *Tertium non datur*¹. В обоих государствах были сторонники и той и той политики: сотрудничества и враждебности.

В Германии «пророссийская» точка зрения была сопряжена с историей, основными вехами которой являлись соглашение от 18 декабря 1812 г., когда Россия и Пруссия объединились против Наполеона, политика Бисмарка по налаживанию отношений с Востоком с целью получить больше свободы действий в Европе, а также Рапалльский договор 1922 г., где два проигравших государства объединились против победителей Первой мировой войны. Она была подкреплена представлениями об экономическом блоке, в котором Россия поставляла бы сырье и зерно, а Германия предоставляла бы промышленное оборудование и технологии. В 1920-х «восточное» направление в Берлине имело поддержку со стороны влиятельных элементов в правительстве и армии. Кульминацией этой политики явились масштабные секретные военные договоренности между Берлином и Москвой, благодаря которым Германия сумела обойти ограничения, налагаемые Версальским договором. Сторонники этой политики не видели препятствий для ее реализации в том, что Россией на тот момент управляли большевики. Это была не прокоммунистическая точка зрения, а сугубо утилитарная поддержка германо-российского сотрудничества.

Теоретическую основу для такого курса германский Генеральный штаб нашел в трудах и высказываниях «пророссийских» генералов, таких как Ханс фон Сект. Они утверждали, что основные усилия Германии должны быть направлены против Запада и взаимопонимание с Россией обеспечило бы защиту тыла рейха и укрепило бы экономический и военный потенциал Германии. Как заявила официальная нацистская газета «Фелькишер беобахтер» во время краткого периода затишья, наступившего после подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г.: «Германия и Россия всегда жили плохо, когда были врагами, и хорошо, когда были друзьями».

В то время как армейские сторонники «восточной» политики руководствовались прежде всего соображениями полезности, «пророссийское» крыло министерства иностранных дел Германии также включало в себя людей, которые не только приводили рациональные аргументы в отношении дополнительных политических и экономических ролей, которые могут играть континентальные державы, но также имели глубокую эмоциональную привязанность к русскому народу и культуре. Некоторыми из самых выдающихся таких людей были этнические немцы, рожденные в России. К этой группе, которая должна была оказать особое влияние во время Второй мировой войны, принадлежал и граф Вернер фон дер Шуленбург, последний посол Германии в Москве.

В этой группе не обошлось и без идеологов. Люди, верившие в «упадок Запада», считали Россию страной будущего. Даже часть мелкого немецкого дворянства поддержала эту точку зрения в смеси антизападных взглядов, немецкого национализма и левого «общественного сознания». *Ex Oriente lux!*²

С другой стороны, «антирусская» школа также имела глубокие корни в Германии. Ее горячие сторонники ссылались на деяния Карла Великого, Тевтонского ордена и Ордена меченосцев, Ганзейского союза и колонистов, которые несли немецкие законы, язык, обычаи и грузы вглубь Восточной Европы. Пресловутый *Drang nach Osten*³ стал очевидной судьбой рейха. Первая мировая война и Брест-Литовский договор 1918 г. стали вехами в реализации

¹ Третьего не дано (*лат.*).

² С Востока свет! (*лат.*)

³ Натиск на Восток (*нем.*).

программы, предложенной миссионерами немецкой экспансии: Россия покоренная или завоеванная, уменьшенная или разделенная, зависимая от Берлина. После Октябрьской революции 1917 г. антикоммунизм предоставил этому крылу новый и в некоторых отношениях убедительный аргумент: «красная волна» должна была быть устранена до того, как накроет рейх. Однако эта группа не оказала большого влияния на политику Германии и не смогла предоставить какую-либо реалистичную и эффективную программу. Она уступила место национал-социализму, написавшему новую и роковую страницу в истории германороссийских отношений.

Россия в нацистском мире

Для Гитлера отношения с Россией были «пробным камнем политической способности молодого национал-социалистического движения ясно мыслить и решительно действовать». Время от времени он выводил очередной ряд постулатов и целей для борьбы с Востоком. Времени, проведенного в заключении, ему было достаточно, чтобы наметить свой фантастический курс. По его мнению, свобода существования нации зиждилась лишь на одной вещи: пространстве для жизни.

«...Даровать немецкому народу почву и территорию, на которые они имеют право претендовать... Это, пожалуй, единственная цель, которая оправдывала бы пролитие крови перед Богом и будущими поколениями».

И, продолжал Гитлер, «говоря о новых территориях, мы должны в первую очередь думать о России и тех окраинных государствах, которые ей подчинены».

Его любимой аналогией в этом отношении было сравнение будущего немецкого Востока с британской Индией. Индия в его понимании являлась наглядным примером колониальной эксплуатации и макиавеллианской виртуозности; она подпитывала его веру в то, что население «немецкой Индии» – Советского Союза – также было не более чем «белыми рабами», рожденными для того, чтобы служить расе господ. Придерживаясь своих континентальных взглядов, он провозгласил, что первые колонии Германии должны быть основаны не за океаном, а в России. Рабочая сила и ресурсы Востока должны были обеспечить материальное благосостояние немецкого народа.

«Если бы мы имели в своем распоряжении Урал с его изобилием сырья и леса Сибири, – объяснял он, – и если бы безграничные пшеничные поля Украины лежали в пределах Германии, наша страна процветала бы».

Этот экспансионизм, каким бы чрезмерным он ни казался, мог бы быть по душе ранним сторонникам *Drang nach Osten*. Новые элементы, введенные нацистскими лидерами, связывали его с расизмом, отказом от «цивилизаторской» миссии на Востоке и отречением от всяких моральных сомнений для достижения цели. Немцы были расой господ, а славяне – «кучкой прирожденных рабов». Русская история должна была быть – и была – переписана с точки зрения борьбы между высшим немецким и низшим восточным: Российское государство (в этой трактовке) было продуктом немецкой цивилизаторской деятельности среди «низшей расы». «Веками Россия питалась от немецкого ядра превосходящего ее сословия лидеров». Нацистская историография утверждала, что «вырождение славян» усугубилось после контакта с монголоидным Востоком. Действительно, российская революция, по словам главного идеолога нацистского крестового похода на Россию Альфреда Розенберга, была «победой бессознательных монголоидных элементов в российском организме над скандинавскими и искоренением этой [скандинавской] сущности, которая казалась им враждебной...».

Всего этого, возможно, было бы достаточно, чтобы оправдать в нацистском сознании цель покорения Востока. Но Москва, будучи очагом большевизма, стала еще одной темой пропаганды. Действительно, большевизм изображался как типичное выражение русского национального характера, плод византийской и монгольской традиции и царского авторитаризма,

выражение извращенной «русской души» с ее мнимыми колебаниями между жестокостью и подобострастием, угнетением и анархизмом. В то же время он по сути своей выражал «стремление еврейства в XX в. добиться мирового господства». Розенберг ввел простую и эффективную формулу: «Россия = большевизм = еврейство».

В таких условиях отношения между Германией и Востоком обретали все признаки неудержимого конфликта, и Гитлер этого не скрывал: «Нордическая раса имеет право править миром, и это расовое право должно стать путеводной звездой нашей внешней политики. Именно по этой причине ни о каком сотрудничестве с Россией не может быть и речи, потому что на ее славяно-татарском теле поставлена еврейская голова».

Таким образом, миссия Германии на Востоке, как сформулировал Гитлер, была двойной, отражавшей одновременно чувство неполноценности и превосходства. С одной стороны, «восточная угроза» должна была быть устранена раз и навсегда путем «воздвижения дамбы против российского наводнения»; с другой стороны, Германия должна была завоевать право поселиться в новом Lebensraum⁴: «Мы должны создать для нашего народа условия, которые будут способствовать его преумножению». Какими бы ни были запреты, налагаемые на политику Германии в первые годы правления нацистов, эти взгляды на Восток оставались неизменными. Сам Гитлер заявил в своем «политическом завете» немецкому народу – в завещании, автор которого пытался стать его же исполнителем: «Будущая цель нашей внешней политики должна быть не прозападной и не провосточной, а восточной политикой, подразумевающей приобретение необходимой почвы для нашего немецкого народа».

В соответствии с этим мировоззрением фюрер начиная с 1933 г. отклонял предложения о вступлении в союз с СССР. Герман Геринг однажды объяснил, что немецкое перевооружение «началось с простой мысли о неизбежности столкновения с Россией». До самого нападения на Советский Союз нацистские лидеры остались верны заявлению своего фюрера: «Если мы хотим править, мы должны сперва покорить Россию».

Источники разногласий

Легко было говорить о сокрушении Российского государства и эксплуатации Востока. Другое дело – разработать комплексную политику и подобрать сплоченный персонал, готовый посвятить себя цели без конфликтов и сомнений. Возникновение некоторых источников разногласий едва ли можно было предсказать до начала Восточной кампании; другие же были побегами уже существовавших противоречий в немецкой Ostpolitik⁵.

Ряд ненацистских чиновников пережил приход Гитлера к власти. Некоторые из них, формально став членами его партии, не подписывались на силлогизмы, предвещавшие немецкую политику и деятельность во время войны. Помимо тех, кто отказался принять некоторые аспекты нацистского экстремизма по моральным или религиозным соображениям, существовало два основных очага потенциальных диссидентов, которые продолжали работать в немецком государственном аппарате: министерство иностранных дел и армия. И хотя количество таких диссидентов было сведено к минимуму в обеих структурах, люди с европейским сознанием (например, фон Хассель), искренние друзья русского народа (такие как граф фон дер Шуленбург), а также восточноориентированные «реалисты» в традиции Секта (такие как генералы Эрнст Кестринг и Оскар фон Нидермайер) по-прежнему имели определенное влияние.

Внутри самого нацистского движения антикоммунизм не всегда был таким самоочевидным, как можно было бы предположить. Коммунисты и нацисты, две противоположные партии, неоднократно объединялись в борьбе против Веймарской республики. В 1920-

⁴ Жизненное пространство (нем.).

⁵ Восточная политика (нем.).

х «революционные» элементы внутри национал-социалистического движения образовывали «национал-большевистское» крыло. Такую позицию поддерживали не только бывшие лидеры нацизма – достаточно указать на Штрассера и Рема, но и многие из ее бывших сторонников все еще числились в движении. Две ключевые фигуры в данной работе, Йозеф Геббельс, министр пропаганды, и гаулейтер Эрих Кох, грозный владыка Украины, когда-то принадлежали к прокоммунистической или пророссийской группе.

Другая группа была сформирована «геополитической» школой вокруг Карла Хаусхофера. Несмотря на сильное влияние на нацистское движение, его поддержка континентального блока «от Атлантики до Тихого океана» (включая Россию и Китай) не могла не столкнуться в противостоянии с ортодоксальным нацизмом. Хотя Гитлер и не гнушался заимствовать его формулировки, сам Хаусхофер остался в немилости, и только в течение краткого периода пакта Молотова – Риббентропа его последователи смогли снова выйти в свет и поприветствовать новое созвездие евразийской власти. Для них это предвещало новую эру, в которой рейх пойдет по пути «открытия Востока».

Однако в конечном счете концепция «открытия Востока» оказалась достаточно гибкой, чтобы угодить обеим сторонам. «Ожидаемое объединение России с Германией может быть мирным, а может потребовать завоевания», – справедливо замечает аналитик геополитики. Цель осталась неизменной, но после нападения Германии на СССР она «перешла от сферы добровольного союза к театру войны». В самом деле, это было разумное объяснение, которое оправдывало вторжение в умах многих немецких «русофилов». Раз уж «любви» между Германией и Россией не возникло, то союз надо было закрепить свадьбой «под дулом пистолета».

Следует выделить две разные группы среди политиков и «восточных экспертов» рейха. Обе они пришли с восточных окраин. Действительно, «было ли это всего лишь совпадением, – пишет немецкий наблюдатель, – что направление национал-социалистической Ostpolitik было задано австрийцем Гитлером и прибалтийским немцем Розенбергом?» Что касается фюрера, то его опыт в Австро-Венгерской империи зачастую влиял на его взгляды. «Я знаю славян из своей родной страны», – заявлял он. Подоплекой многих его гневных анти-украинских и антивенгерских высказываний были австрийские обиды, возникшие еще до 1918 г.

С другой стороны, прибалтийские немцы стали крупнейшим элементом немецких кадров, занимавшихся восточными вопросами. Они родились в прибалтийских землях в то время, когда те еще были частью Российской империи, и с русским языком и культурой были знакомы не понаслышке. Хотя некоторые из них были сильно привязаны к России, многие затаили обиду. Их можно было найти во всех основных лагерях, пока немцы перетягивали канат военной Ostpolitik.

За фасадом тоталитарного Gleichschaltung⁶, ослепительного облика объединенной во имя победы нации и грандиозности нацистского триумфа бушевал конфликт, непостижимый для тех, кто считает современную диктатуру средой, в которой нет места разнообразию. В рейхе в тайне от всего мира разрасталось множество мнений, групп, соперничавших за власть и авторитет, людей, вымещавших друг на друге свои личные обиды, и чиновников, ратовавших за противоречивые политические курсы. Говоря о такой разнородности, ни в коем случае нельзя умалять важность общего состояния страны. Именно из-за ее тоталитарной структуры, в условиях отсутствия общественного мнения, внутренние конфликты должны были решаться (мирно или не очень) за кулисами, в атмосфере, которая отказывалась признавать их существование и в которой их разрешение сопровождалось характерной злобой и жестокостью.

В рассмотрении этих разногласий и их влияния на немецкую политику на востоке данная работа будет ссылаться на саму себя.

⁶ Насильственное приобщение к господствующей идеологии (в фашистской Германии). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примеч. ред.)

Путь к войне

22 июня 1940 г. в Компьенском лесу Адольф Гитлер достиг пика своей политической деятельности: уполномоченные представители Петена согласились на условия, предложенные побежденной Франции. Год спустя, день в день, началось вторжение на Восток. История решения Гитлера о вторжении в Советский Союз хорошо рассказана в других книгах, и здесь достаточно будет рассмотреть только основные ее этапы. Самые ранние ссылки на решение Гитлера о подготовке к нападению на СССР датируются второй половиной июля 1940 г. Франция вышла из войны, Великобритания не желала сдаваться или идти на уступки, советское правительство наживалось на пакте Молотова – Риббентропа путем аннексии Прибалтики и Бессарабии⁷, и Гитлер вернулся к своей старой концепции расширения на восток.

Разве он сам не говорил годом ранее своим генералам, что пакт был лишь временным соглашением?

«В настоящее время, – заявлял он, – Россия не опасна... Против России мы сможем выступить только тогда, когда обречем свободу действий на Западе... Сейчас у России нет причин отказываться от нейтралитета. Через восемь месяцев, год или даже несколько лет ситуация может измениться. Самая надежная мера предосторожности от возможной агрессии со стороны России заключается в немедленной демонстрации мощи Германии».

Старые чувства Гитлера возродились с неожиданной силой, и все, что их подпитывало, с готовностью воспринималось как очередное свидетельство предстоящего предательства Великой России. С рациональной точки зрения решение напасть на Советский Союз в то время, пока война с Великобританией шла с переменным успехом, а рейх получал значительную военную, экономическую и политическую выгоду от договора о ненападении, казалось абсурдом. Тем не менее оно, судя по всему, представлялось Гитлеру чрезвычайно привлекательным, так как он всегда рассматривал это как кульминацию своей исторической миссии. Хотя в конце июля Гитлер признавал, что «нет никаких признаков враждебной по отношению к нам деятельности со стороны России», главнокомандующему сухопутными войсками с 17 июля фельдмаршалу фон Браухичу и начальнику Генерального штаба сухопутных войск генералу Гальдеру было приказано немедленно начать подготовку к вторжению.

Нет никаких сомнений в том, что Гитлер всерьез собирался начать вторжение уже осенью 1940 г. Через несколько дней после приказа кампания была обрисована в общих чертах. 29 июля генерал Йодль донес до своих помощников решимость фюрера «устранить постоянную большевистскую угрозу в этой войне», поскольку «рано или поздно эта кампания в любом случае станет неизбежной». Военная необходимость вынудила отложить вторжение до весны 1941 г., равно как и высадку в Великобритании. Но Гитлер не терял уверенности. «С падением России последняя надежда Великобритании будет уничтожена... – обобщил Гальдер обращение Гитлера к своим старшим командирам. – Посему было решено: сокрушение России должно стать частью этой борьбы. Весна 1941 г. Чем быстрее Россия будет раздавлена, тем лучше... Если мы начнем в мае 1941 г., у нас будет пять месяцев, чтобы довести дело до конца. Лучше было бы начать вторжение уже в этом году, но нам необходимо время на подготовку».

С июля 1940 г. вторжение в Советскую Россию стало незыблемой нацистской повесткой дня. Гитлер мог бы воспользоваться военными приготовлениями, чтобы заставить Москву пойти на новые уступки, он мог бы отменить кампанию в любое время. Но ничего подобного он не сделал. основополагающее решение было принято, и переговоры с министром иностранных дел Молотовым в ноябре 1940 г. особого значения уже не имели. Действительно, уже в

⁷ В случае Бессарабии – возвращение отторгнутой в 1918 г. Румынией территории России, а Прибалтийские республики после всеобщих тайных выборов, где победили народные фронты, добровольно и по их просьбе были приняты в состав СССР.

августе Верховное командование начало разрабатывать детали кампании, и началось перемещение войск с запада к советской границе. 12 ноября во время визита Молотова в Берлин Гитлер подписал секретную «Директиву № 18», в которой четко указано, что «...приготовления к Восточной кампании должны проводиться в надлежащем порядке вне зависимости от результатов переговоров. Позднее, когда я увижу и одобрю основной план операций, последуют соответствующие указания».

На следующий день Генеральный штаб закончил свои «заметки для доклада фюреру» в отношении «запланированных [военных] целей Восточной кампании». К началу декабря их содержание было одобрено, и генерал Йодль представил Гитлеру окончательный план. В то время как Москва ожидала ответа на свою последнюю ноту об альянсе четырех держав с Германией, Италией и Японией, осознавая советские амбиции «в отношении Персидского залива», 18 декабря под грифом «совершенно секретно» Гитлер подписал приказ о проведении «операции Барбаросса».

«Барбаросса»: за и против

В 1190 г. Фридрих I, возможно самый известный немецкий император, после своего блестящего правления взял в руки крест и возглавил свои легионы в походе в Святую землю. В походе он утонул. Именно его прозвище Барбаросса стало кодовым именем кампании, призванной претворить в жизнь заветную мечту о завоевании непостижимого Востока. Знаменитая и часто цитируемая в последние годы «Директива № 21» на деле знаменует собой лишь один шаг – необходимый и логичный, разумеется – от сообщничества к двуличности.

Разбились мечты о сокрушении Англии одним ударом, испарились последние иллюзии германо-советской «дружбы, скрепленной кровью».

«Немецкая армия, – говорилось в директиве фюрера, – должна быть готова разгромить Советский Союз в ходе одной молниеносной кампании (операции «Барбаросса») еще до того, как будет окончена война с Англией. Для этого армия должна будет задействовать все имеющиеся формирования...»

В соответствии с планами операции, представленными Генеральным штабом, Гитлер постановил: «...основная масса советской армии в Западной России должна быть уничтожена в ходе быстрых и глубоких операций путем продвижения мощных подвижных группировок; отступление способных сражаться сил советской армии на просторы российской территории должно быть предотвращено... Конечной целью операции является создание линии обороны против азиатской России по линии Астрахань – Волга – Архангельск».

Все приготовления должны были быть закончены к 15 мая 1941 г.

Вот так несколько фраз перевернули новую страницу истории. У Гитлера не было причин отступать. Генералы, такие как Кейтель и Йодль, слепо верившие в своего фюрера, с воодушевлением готовились к кампании. Руководство партии точило зубы в предвкушении. Однако некоторым здраво рассуждавшим аналитикам это решение казалось абсурдным.

Адмирал Редер (гросс-адмирал с 1939 г.), главнокомандующий кригсмарине (ВМС) с 1935 по 1943 г., откровенно осуждал его. Настаивая на необходимости сосредоточить весь военный потенциал против Великобритании, он настоятельно призывал отложить Восточную кампанию хотя бы «до победы над Англией». Германия не могла одновременно вести обе кампании. Оппозиционные мнения были распространены и в Генеральном штабе сухопутных войск. Отношение начальника штаба генерала Гальдера к предстоящей кампании с самого начала было противоречивым. Он не переставал задавать вопросы и высказывать опасения с того момента, когда впервые услышал о плане Гитлера. Хотя он и делал все возможное для подготовки к вторжению, в своем дневнике со свойственной ему добросовестностью он все же пересказывал свои беседы с начальником ОКХ генералом фон Браухичем: «Цель не ясна.

В борьбе с британцами это не поможет. Существенного улучшения нашего экономического потенциала мы не достигнем. Риск на Западе нельзя недооценивать».

Другие старшие командиры также выражали сомнения – не столько по поводу вторжения как такового, сколько по поводу его сроков и осуществимости. Даже столь блестящий и лояльный генерал Гудериан позднее заявлял (правда, уже в ретроспективе), что он и его коллеги были ошеломлены, когда их впервые посвятили в детали операции «Барбаросса». «Неужели произойдет то, что я считал невозможным? Гитлер, в такой резкой форме критиковавший немецкое правительство 1914 г. за то, что оно не смогло уберечь страну от войны на два фронта, теперь сам сознательно... толкает нас на пресловутую войну...»

И все же, вне зависимости от того, уверены они были в этом решении или сбиты с толку, генералитет оставался верным своему фюреру. Ведь и правда, Гитлер уже столько раз выставлял своих генералов дураками, игнорируя их предостережения, особенно в ходе Французской кампании, что теперь никто не осмеливался перечить. Сомневались они или нет, отданные им приказы они выполняли беспрекословно.

Предостережения немецкого дипломатического корпуса также не сыграли большой роли. Сотрудники посольства в Москве, включая Шуленбурга, даже докладывали о примирительных намерениях Сталина в более оптимистичном свете, чем было на самом деле, и не из-за какой-либо предвзятости по отношению к коммунизму, а просто потому, что они хотели, чтобы пакт о ненападении оставался в силе. Но Гитлер не доверял «допотопным хомбургцам» в министерстве иностранных дел, глава которого Иоахим фон Риббентроп, символ пакта о ненападении, был слишком ничтожным, чтобы возражать фюреру. Мрачный и угрюмый, он смирился с концом своей славы, подавляя свои тщеславные инстинкты, чтобы оставаться в ногу с проектами своего любимого хозяина. Не такая уж «старая школа». «Россия не является потенциальным союзником англичан», – писал Риббентропу статс-секретарь (второе лицо в МИД Германии) Вайцзеккер; что касается нынешней цели победы над англичанами, «победить Англию в России – это не программа». Как и многие его коллеги, он принципиально не возражал против войны, однако считал, что пользы это грандиозное начинание «нам тоже не принесет». Экономические эксперты, которые вырабатывали торговые соглашения с Москвой, также настаивали на том, что мирными средствами Германия сможет получить от Советского Союза больше продовольствия и сырья, а значит, в войне не было необходимости. Их аргументы были столь же тщетными, как и аргументы Шуленбурга и Вайцзеккера.

Таким образом, противники вторжения находились не только в ненацистских кругах. Более того, самый яркий пример недовольства, вызванного планом «Барбаросса», произошел в самом сердце нацистского руководства. Рудольф Гесс, личный заместитель Гитлера, 10 мая прилетел в Шотландию в отчаянной попытке подписать тот самый тевтонский пакт, о котором мечтал сам Гитлер. В отличие от Вайцзеккера его доводы против Российской кампании заключались не в том, что это ослабило бы немецкие военные силы на Западе; напротив, для него договор с Великобританией был логичным и необходимым условием для войны на Востоке. Если целью пакта Молотова – Риббентропа было избежание войны на два фронта, теперь Гесс ратовал за схожую политику, только в обратном направлении. «Он приехал в Англию не с гуманитарной миссией, а исключительно с одной целью: предоставить Германии возможность сражаться с Россией только на одном фронте».

Лояльная оппозиция видела, что над Германией сгущаются тучи – тучи, вызванные самим Гитлером. Но критики – не считая Гесса, который удалился со сцены, – были не более чем метеорологами, которые могли лишь записывать и иногда предсказывать изменения в политическом климате. Руки тех из них, кто был в состоянии что-то изменить, были связаны представлениями о долге и патриотизме.

Переход через Рубикон

Продолжалась упорная подготовка к войне. Вводя в заблуждение по поводу своих намерений не только Москву, но даже Италию и Японию, Гитлер регулярно проводил длительные совещания со своим генералитетом, перебирая альтернативные планы кампании. В апреле дата вторжения была перенесена с 15 мая на 22 июня в результате немецкой интервенции на Балканском полуострове – вмешательства в итало-греческую войну и разгрома оккупации Югославии и Греции. Возможно, роковое решение, помешавшее Германии достичь своих целей в России в 1941 г., – решение «разобраться» с Балканским полуостровом перед наступлением на Восток – было принято самим Гитлером. Гитлер назначил дату нападения на 22 июня. За два дня до вторжения втайне было распространено его обращение к солдатам, а в 3.15 22 июня немецкая армия пересекла советскую границу. Сбылось пророчество Гитлера: «Когда начнется «Барбаросса», весь мир затаит дыхание».

Ярким аспектом подготовки Германии к этой грандиозной кампании было пренебрежение основательным политическим планированием. Военные меры были изложены, обсуждены и осуществлены внимательно и спешно. Планы по быстрому использованию экономических ресурсов на оккупированных территориях СССР были разработаны с привычной тщательностью, и персонал для этих задач отбирался заблаговременно. Однако за исключением неопределенных заявлений о будущем немецкого Востока нет никаких свидетельств обсуждения на высоком уровне политических проблем – в частности, каких-либо попыток заручиться во время войны поддержкой советского населения – в течение всего периода с июля 1940 г. по март 1941 г. Внимание этой обширной области было уделено только в последние три месяца перед войной, но даже тогда германское руководство не смогло подготовиться к «политической войне».

Этот важный факт был логическим следствием предположения о том, что по срокам и сложности Восточная кампания лишь в количественном отношении будет отличаться от предыдущих молниеносных кампаний войны. С лета 1940 г. Гитлер и Верховное командование оценивали вероятные сроки кампании в три месяца. 30 апреля 1941 г. фельдмаршал фон Браухич даже заявил, что после «не более чем четырех недель» серьезных сражений останется лишь провести зачистку остатков «незначительного сопротивления». Основным принципом этой стратегии было быстрое уничтожение большей части советских войск. Следовательно, политические факторы, даже пропаганда, большой роли не играли. Недооценивая советское сопротивление в целом (и невзирая на предупреждения некоторых своих экспертов), Гитлер считал, что политические директивы были не нужны. Все, что требовалось, – это свод правил для управления оккупированными территориями. Никаких погрешностей в плане не предусматривалось. Если кампания затянется дольше ожидаемого или если потери противника будут недостаточными для стремительной победы, у рейха не было серьезных военных резервов для продолжения военных действий, не было плана по привлечению советского населения на сторону Германии, не было никакой концепции политического поведения, за исключением искоренения «нежелательных элементов» на оккупированных территориях.

Провал был неминуемым и зловещим.

Глава 2

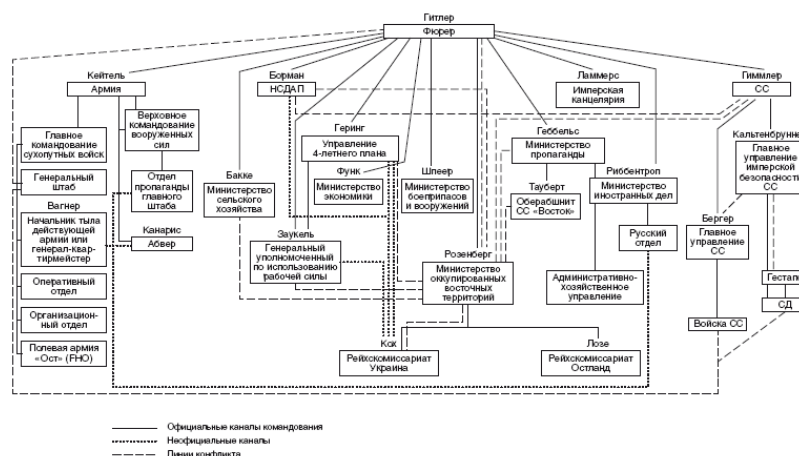
Власть и персоналии: вражда и разногласия в восточном вопросе

Нацистская мозаика

Немецкая военная политика не была единой или хорошо согласованной. Это был результат беспрестанного перетягивания каната между враждующими блоками и коалициями различных элементов нацистского параллелограмма сил. В этой борьбе за власть принимало участие восемь основных «центров тяжести»:

- 1) Адольф Гитлер;
- 2) Мартин Борман и аппарат НСДАП;
- 3) Альфред Розенберг и министерство оккупированных восточных территорий; Генрих Лозе, рейхскомиссар «Остланда»; Эрих Кох, рейхскомиссар Украины;
- 4) Йозеф Геббельс и министерство пропаганды;
- 5) Иоахим фон Риббентроп и министерство иностранных дел;
- 6) Герман Геринг и четырехлетний план, а также другие органы экономики;
- 7) Генрих Гиммлер и империя СС;
- 8) Вооруженные силы, сами по себе разрываемые внутренними разногласиями.

Эта «большая восьмерка» и большая часть подконтрольных им ведомств зачастую конфликтовали друг с другом. Эти конфликты можно классифицировать по четырем категориям: личные конфликты на почве личной неприязни (например, между Розенбергом и Риббентропом); борьба за власть и авторитет между отдельными участниками (например, Гиммлером, Геббельсом и Борманом) и между ведомствами (например, партией, государством, СС и армией); конфликты на почве юрисдикции (например, соперничество за право контроля над средствами связи на оккупированном Востоке); политические споры о тактике или принципах в отношении настоящего и будущего Востока (например, борьба за судьбу колхозов).

СТРУКТУРА ВЛАСТИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ)

Часто эти конфликты переплетались между собой. Предпосылкой некоторых споров являлась Восточная кампания; другие же главным образом были вызваны факторами, не связанными с войной. Некоторые участники объединялись в неофициальные альянсы – альянсы,

которые сами, в свою очередь, были подвержены радикальным изменениям. Циники и реалисты, идеалисты и оппортунисты, люди ограниченных способностей и самородки, сильные и слабые – все они одновременно сотрудничали и враждовали друг с другом.

Первые шаги

В преддверии декрета «Барбаросса» Генеральный штаб задумался над будущей администрацией оккупированных территорий на Востоке. В январе 1941 г. оперативный отдел Генштаба постановил, что вопреки соображениям безопасности в «тыловые районы» будет направлено минимальное количество вооруженных сил. И в первой половине февраля генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер направил начальнику штаба вопрос о «создании военной администрации для «Барбароссы». Однако даже с учетом этого армия уделяла сравнительно мало внимания административным аспектам предстоящей оккупации. Причиной тому стало не только сосредоточение исключительно на военных вопросах. Ожидалось, что после завершения краткой кампании эти области больше не будут заботой Верховного командования. Более того – и это было дополнением к первому аргументу – с 1939 г. у армии уже был горький опыт в области военного управления.

Нежелание армии брать на себя «излишние» административные обязанности вполне совпадало с мировоззрением самого Гитлера. На совещании с Кейтелем 3 марта он заявил, что будущие задачи в оккупированной России настолько сложны, что их нельзя доверять военным. Потому захваченные территории должны быть как можно быстрее отданы под ответственность более надежной гражданской администрации. В результате этой дискуссии 13 марта Кейтель подписал особую директиву, которая учреждала основной порядок будущего управления Востоком. Сферы военного управления он сократил до минимума: «Зона военных действий, образовавшаяся по мере продвижения армии за пределы рейха вглубь соседних государств, должна быть как можно более ограниченной... Как только зона военных действий достигнет достаточной глубины, она будет ограждена с тыла. Недавно оккупированная территория в тылу зоны военных действий получит свое политическое управление».

Таким образом, военная оккупация должна была охватывать только ограниченные территории, расположенные вблизи линии фронта; срок военного управления должен был быть ограничен, все большая часть регионов должна была переходить под ответственность гражданской администрации по мере продвижения армии вглубь территории противника. Участие военной администрации должно было быть недолгим в угоду соображениям полезности. Гитлер наивно и безосновательно считал, что политические решения могут быть отложены до того момента, пока оккупированные территории не будут приведены в порядок.

Территории, расположенные в тылу зоны военных действий, находившиеся под «политическим управлением», должны были быть разделены по двум критериям: по секторам, принадлежавшим каждой из групп армий: «Север», «Центр» и «Юг»; и в соответствии с существовавшими этническими границами. Того, что эти два критерия исключали друг друга, немцы, очевидно, не учли. К тому моменту были выпущены только общие директивы. «На этих территориях, – гласил приказ, – политическое управление переходит к рейхскомиссарам, которые будут получать директивы от фюрера». Таким образом, захваченные территории должны были быстро быть переданы немецкой гражданской администрации, во главе которой стояли бы уполномоченные представители фюрера, получившие неуместное звание рейхскомиссаров. Ни о какой власти коренных народов, ни о какой перспективе возможной автономии или независимости речи не велось.

С одобрения Гитлера 31 марта был выпущен более полный указ «О едином исполнении» восточного задания, который несколько дней спустя был более подробно изложен кабинетом генерала Вагнера в ряде «Особых директив». «Систематическое управление и эксплуатация

страны, – говорилось в нем, – потребует внимания только на более поздних этапах. Это задача не армии».

У военных не было причин возражать против этих указаний. Они наделяли армию ровно теми функциями, на которые она и рассчитывала, не больше и не меньше.

Теперь, после того как армия расставила приоритеты и определила границы своей юрисдикции, началась разработка функций гражданской администрации. В рамках реализации указа от 31 марта Альфреду Розенбергу 2 апреля было доверено формирование «политического бюро на Востоке». Его полномочия были расширены, когда 20 апреля Гитлер поручил ему «централизованно» заниматься всеми вопросами «восточноевропейского пространства». В его ранних меморандумах о планировании встречаются отсылки к предыдущим директивам. «Оккупация европейского Востока, – писал он, – будет проходить в два этапа: во-первых, непосредственно боевые действия, а во-вторых, как можно более быстрый переход от военной оккупации к гражданской администрации, то есть к различным рейхскомиссариатам».

К началу мая Розенберг собрал штат, который после подписания фюрером соответствующего указа мог стать (и вскоре после начала войны стал) министерством, ответственным за принадлежавшие теперь немцам территории СССР.

Альфред Розенберг

Розенберг, сын немецкого башмачника (по другим данным, купца), родился в 1893 г. в Ревеле (Таллине) в Эстляндии (Эстонии), тогда принадлежавшей Российской империи. Вот два фактора, которые привели к непоследовательности его дальнейшей карьеры.

Он воспитывался в немецком доме, где ему привили уважение к немецкому языку и традициям, но он также страстно увлекался культурой и обычаями России. В образовательном процессе молодого Розенберга Толстой и Мусоргский стояли в одном ряду с Бисмарком и сагами германской древности. Но учеба не приносила ему удовлетворения. Отвергая христианство, не уверенный в себе и несчастный в нижней части среднего класса Розенберг жаждал веры и власти.

В то время еще не проявлялись признаки его будущей «идеологии». Его круг общения включал в себя как русских, так и евреев. Во время Первой мировой войны он оказался на российской стороне фронта – это обстоятельство не вызвало у него сильных приступов самокопания. Даже русская революция не побудила его к участию в политической деятельности; он продолжал оставаться сторонним наблюдателем.

Только после немецкой революции он отправился в рейх. Покинув насиженное место, неприкаянный Розенберг оказался в романтической революционной атмосфере Мюнхена 1919 г. Вот магнит, привлекавший сборную солянку фанатичных идеалистов, деклассированных элементов и разочарованных политиков всех сортов и убеждений. Вскоре Розенберг оказался в русле новой и на тот момент еще окончательно не сформировавшейся группы вокруг Адольфа Гитлера. Он присоединился к ней и в 1921 г. стал редактором центрального органа молодой НСДАП, *Volkischer Beobachter*.

После драматического, но нелепого Пивного путча в ноябре 1923 г., в результате которого Гитлер попал в тюрьму, Розенберг смог утолить свою жажду власти, возглавив остатки партии. Однако у них с Гитлером возникли разногласия по поводу тактических вопросов, и после выхода из тюрьмы Гитлер держал «философа» на расстоянии вытянутой руки. Несмотря на унижение и недовольство, Розенберг остался в движении, продолжая подчиняться приказам фюрера. Он стал иностранным экспертом нацизма и его «идеологом»; его загадочное и малопонятное для многих обоснование сути расизма, «Миф XX века» (1930 г.), благодаря своей претензии на ученость и непостижимость прочно закрепило его авторитет в нацистских кругах. Однако полностью «реабилитироваться» Розенбергу так и не удалось.

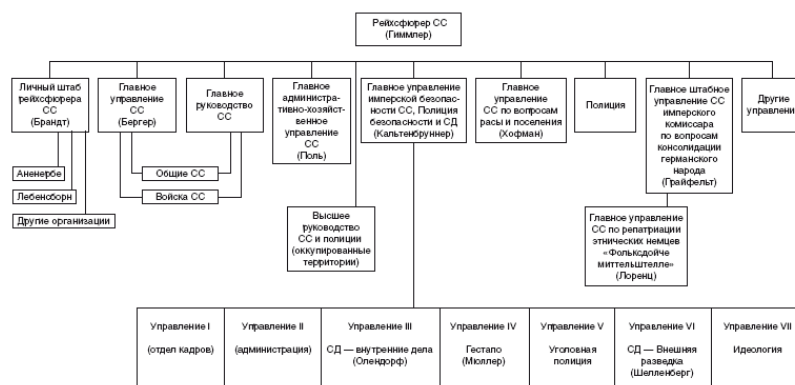
Даже после того, как Гитлер взял на себя бразды правления, Розенберг не получил портфеля министра: Гитлер знал, что он не практический политик. Он руководил «идеологической пропагандой», но даже в этой области были те, кто успешно составлял ему конкуренцию, например Геббельс. Он руководил внешнеполитическим персоналом партии, но даже со связями и покровительством не смог вытеснить профессиональных донацистских дипломатов. Где бы Розенберг ни пробовал свои силы, везде он терпел неудачу. Договор о ненападении, казалось, положил конец его тщательно продуманному движению – антибольшевизму. Отвергнутый министерством иностранных дел, Розенберг также был не в ладах с СС, потому что водился со штурмовиками партии, СА, которые видели в СС соперников. Именно из СА он намеревался набрать основную часть своего штата, когда в 1941 г. наконец появились первые намеки на то, что Гитлер хотел, чтобы Розенберг – единственный в нацистской верхушке человек, имевший непосредственное отношение к Востоку, – взял под свой контроль обширные пространства, которые должны были быть захвачены германской армией.

Эта задача была ему по душе. Жадно, по-детски он потянулся за властью. С весны 1941 г. до последних дней нацистского государства он настаивал на *своих* прерогативах, на исключительной юрисдикции *своего* кабинета, на *своем* единоличном праве командовать и принимать решения. Однако вскоре он понял, что другие будут пытаться умалить роль германского самодержца, управляющего Востоком, которую он для себя уготовил. Неспособный плести интриги, но неспособный также и на прямолинейную откровенность по отношению к фюреру, он снова был обречен на разочарование и бесполезность. Формально он, может, и стоял во главе огромного министерства и даже более обширного штата, но на практике его игнорировали, обходили, с ним не считались. Гитлер, его начальник, как и его подчиненный Кох, делали что им вздумается, зачастую даже не удосуживаясь сообщать Розенбергу об этом. Теоретик от дьявола, философ немецкого величия, трибун антисемитизма стал бесполезным министром, который, хоть и носил высокое звание, был ограничен со всех сторон, стал отцом фантастического замысла, который не смог воплотить в жизнь.

Генрих Гиммлер

«СС» был общим термином для обозначения империи Генриха Гиммлера. По-разному организованные и реорганизованные, на самом деле они включали в себя, помимо изначальных отрядов охраны, полицию, гестапо и элитные боевые подразделения ваффен СС. РСХА (Reichssicherheitshauptamt, Главное управление имперской безопасности), которое также находилось под командованием Гиммлера, и его филиалы охватили широкий спектр разнообразных видов деятельности. Это была «империя внутри империи», и Гиммлер как рейхсфюрер СС был ее бесспорным вождем. Он обладал настоящей властью, более автономной, чем у его соперников, властью, которую боялись все, кому довелось с ней столкнуться, и те, кто соперничал с ним за почетное место в нацистской Валгалле.

«В его характере не было ничего ужасающего или взрывного», – высказывался один историк. Его холодность была «не ледяная, а бескровная. Он не восхищался жестокостью, он был равнодушен к ней; чужие угрызения совести были для него не презренными, а непонятными...». Он был Великим инквизитором, «политическим эзотериком, человеком, который был готов пожертвовать человечеством во имя абстрактного идеала». Если Гитлер считал себя хозяином нацизма, Гиммлер, по сути, считал себя слугой всего мифа – арийской чистоты, германской миссии и всего остального. «Наполовину наставник, наполовину псих» – так видел его Альберт Шпеер, но также лидер, заслуживший преданность своих последователей. Озабоченность древними рунами и черепными эмблемами не помешала ему превратить свою частную армию в мощное орудие.

ИМПЕРИЯ ГЕНРИХА ГИММЛЕРА

Окружая себя невежественными астрологами, массажистами, мясниками и проходимцами, которые «добились успеха» в СС, Гиммлер неустанно стремился к все большему количеству власти. Одно агентство за другим было поглощено лабиринтом политических компаний-учредителей и взаимосвязанных отделений, в которых Гиммлер держал долю. Разумеется, другие нацистские апостолы возненавидели этого человека. Гитлер уважал его, но теплых чувств к нему никогда не питал. Борман считал Гиммлера самым опасным конкурентом своей собственной слаженно работавшей клики. Армия видела в СС орду соперников, буянов и революционеров. Нацистская партия и СА – включая Розенберга – относились к Гиммлеру со смесью страха и отвращения. Против тайного ордена, коим являлся СС, был сформирован молчаливый и бесплодный фронт.

Гиммлеру удалось реализовать свою претензию на наследие Востока. Уже после первого обсуждения 3 марта 1941 г. Гитлер был склонен наделить его обширными прерогативами. На этом подготовительном этапе именно полицейские функции стали для него отправной точкой. Однако останавливаться на этом он не собирался: он не только назначал высокопоставленных лиц полиции и направлял вооруженные силы в области гражданского управления, но и «по указанию фюрера в зоне операций армии, – директива Кейтеля от 13 марта, – рейхсфюреру СС поручены особые задания по подготовке к политическому управлению; задачи, которые возникнут в результате окончательного столкновения двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует по своему усмотрению и под свою ответственность».

Таким образом, Гиммлер получил карт-бланш, позволивший ему расширить свою империю на Восток – империю, подотчетную лишь фюреру. Что это были за особые задания, можно было понять из ранних комментариев Гитлера: гиммлеровская СД (Sicherheitsdienst, служба безопасности) должна была сформировать особые айнзацгруппы (Einsatzgruppen, группы развертывания), чья задача заключалась в том, чтобы следовать по пятам за завоевательной армией, прочесывать завоеванные территории и беспощадно истреблять идеологических и расовых врагов. Это было так характерно для Гитлера: в то время как ничего еще не было решено в отношении будущей организации Востока, его приказы уже предусматривали убийство миллионов евреев и неопределенного количества других «расовых, уголовных и асоциальных» элементов, большевистских комиссаров, а также цыган.

Гиммлер, который отвечал за Дахау и Заксенхаузен, был подходящим человеком для этой должности. Он стал выдающимся представителем фракции, которая хотела, чтобы к славянам – и восточным народам вообще – относились как к низшей расе. Это новое задание он получил всего через несколько месяцев после того, как изложил на бумаге «некоторые идеи относительно обращения с чужеродными элементами на Востоке». За исключением неболь-

шого «расово достойного» меньшинства⁸, Восток должен был стать «резервом рабочей силы без собственного руководства, способным ежегодно поставлять Германии необходимое количество временных работников». Что еще можно было ожидать от этих восточников «без собственной культуры»?

Империя Гиммлера обрела независимую позицию на Востоке, на что армия, уже занимавшаяся подготовкой к предстоящей кампании, не хотела закрывать глаза. «Ряд директив в отношении операции «Барбаросса», – вспоминал фельдмаршал Кейтель после войны, – касательно управления и использования оккупированных регионов, привел к резким конфликтам из-за полномочий, предоставленных рейхсфюреру СС. Я понимал, что параллельно армии и ее главнокомандующему как единолично ответственной и исполнительной власти в отношении населения формируется полиция с исполнительными полномочиями, чья власть вызывала у меня сильные сомнения».

Тем не менее именно Кейтель издал вышеописанные указания от 13 марта. Кейтель – небезосновательно прозванный Лакейтель по аналогии с лакеем – слишком подобострастно относился к фюреру, чтобы перечить ему, даже когда искренне с ним не соглашался.

Армия и приказ о комиссарах

Гитлер продолжал подчеркивать «идеологические» аспекты предстоящего конфликта. 30 марта 1941 г. в длинном обращении к своим ближайшим советникам он обрисовал направление, в котором стоило двигаться Германии. Гальдер изложил свои замечания в сжатой форме: «Столкновение двух идеологий. Уничтожающее порицание большевизма, отождествляемого с социальной преступностью. Коммунизм – это огромная опасность для нашего будущего. Мы должны забыть о понятии товарищества между солдатами. Коммунист не является товарищем ни до, ни после битвы. Это война на истребление... Мы воюем не для того, чтобы помиловать врага».

Люди Гиммлера хорошо подходили для осуществления этих планов. Но готова ли была немецкая армия с ее профессиональными традициями и добросовестностью к «войне на истребление»? Армия повиновалась, но генералы были возмущены как никогда, ведь политика истребления распространялась не только на СС, но и на армию. Гитлер призвал своих генералов «отбросить свои личные сомнения», чтобы понять, что «жесткость сегодня означает мягкость в будущем». Но приказать им «истреблять большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию» значило заставить их выбирать между совестью и послушанием. То, что предложил Гитлер, было новой концепцией карательной войны: определенная часть вражеских сил априори клеймилась преступниками, приговоренными к истреблению.

Несколько недель армия готовила проект «Директив об обращении с политическими комиссарами». 12 мая генерал Варлимонт передал Йодлю готовый текст. Было постановлено:

- 1) Политработники и лидеры (комиссары) должны быть ликвидированы.
- 2) В случае если таковые будут захвачены армией, принимать решение об их ликвидации должен офицер, уполномоченный налагать дисциплинарные взыскания. Достаточным основанием для такого решения будет то, что лицо является политработником.
- 3) Политические комиссары [Красной] армии не признаются военнопленными и должны быть ликвидированы; в крайнем случае в транзитных лагерях. Никакой передачи в тыл...

Это был пресловутый приказ о комиссарах. Несмотря на все свои предыдущие протесты, Йодль и Варлимонт приняли его без возражений. В поисках оправдания для нестандартного приказа под текстом Варлимонта Йодль подписал: «Мы должны расквитаться за возмездие против немецких летчиков; поэтому лучше всего изобразить все это как ответную меру».

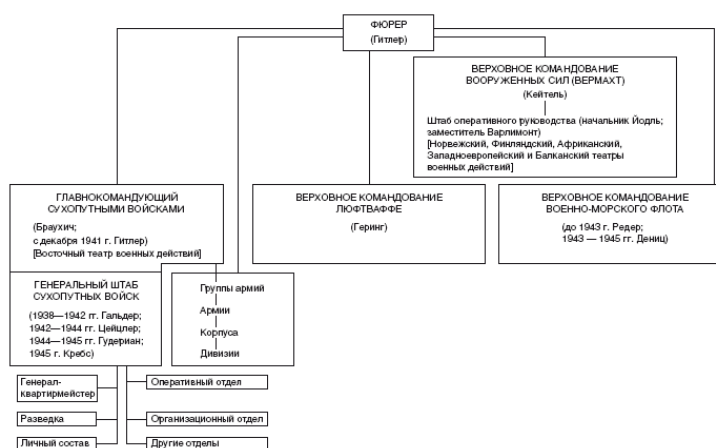
⁸ Примерно 25 % русских, 35 % украинцев – их планировалось онемечить.

Розенберг же утверждал, что рядовые захваченные специалисты будут крайне необходимы немцам для управления оккупированными районами. Поэтому – отнюдь не возражая против убийств без суда как таковых – он попросил Верховное командование ограничиться истреблением только высших чинов. Судя по всему, Йодль и Варлимонт были готовы поддержать это предложение. Однако на следующий день, 13 мая, Гитлер принял решение, и Кейтель отдал соответствующие приказы: все комиссары должны быть убиты.

За несколько дней до этого 6 мая ОКХ издал аналогичный приказ об обращении с гражданским населением на Востоке. Приказ предусматривал «расстрел в бою или при бегстве» всех местных жителей, которые «участвуют или хотят участвовать во враждебных актах, которые своим поведением представляют собой прямую угрозу для войск или которые своими действиями оказывают сопротивление вооруженным силам Германии». В случае задержания они должны были предстать перед немецким офицером, который решит, будут ли они расстреляны. Уже на этом раннем этапе было санкционировано «применение силы» в населенных пунктах, «в которых совершаются скрытые злонамеренные действия любого рода». И наконец, немецкие солдаты, совершавшие «наказуемые деяния» на оккупированной земле «из-за горечи от зверств или подрывной работы носителей еврейско-большевистской системы», не подлежали преследованию.

Директивы в одобренном Гитлером виде оставались практически неизменными. Особый акцент делался на то, что «войска должны безжалостно защищаться против любой угрозы со стороны враждебного гражданского населения».

Эти меры и дискуссии вокруг них были показательными как в отношении основной ориентировки, с которой немецкие войска отправлялись на советскую территорию, так и в отношении сложности и амбивалентности мнений внутри Верховного командования. Высшие эшелоны (Кейтель, Йодль, Варлимонт) добровольно или не очень составляли и издавали указы по приказу фюрера. Генеральный штаб к одобрению этих приказов подходил с гораздо большей неохотой. К тому же возникали серьезные сомнения касательно того, будут ли командиры армии эти приказы выполнять.

ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ВЕРМАХТА

Фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами, позже свидетельствовал, что он обходил и игнорировал эти приказы. Некоторые генералы решили эту дилемму, просто не передав приказ о комиссарах своим подчиненным. Хотя Гитлер продолжал настаивать на том, что оккупационные силы должны были распространять «террор, который сам по себе отбил бы у населения всякое желание оказывать сопротивление», а командиры армии на местах несли личную ответственность за исполнение указа, на деле (что подтверждал даже маршал Паулюс, явившийся на Нюрнбергский процесс в качестве свидетеля обвинения) приказ не

выполнялся из-за негласного сопротивления генералов. Генералы Остер и Бек, одни из главных заговорщиков 1944 г., при обсуждении указа с фон Хасселем сошлись во мнении, что «волосы встают дыбом, когда видишь неопровержимые доказательства... систематического превращения военного права в отношении завоеванного населения в неконтролируемый деспотизм – насмешка над законом как таковым».

Фон Тресков, блестящий молодой офицер оперативного отдела штаба группы «Центр» (а позднее лидер антигитлеровского движения), убедил своего командира подать протест в штаб армии. Другие генералы поступили так же. Продолжительная враждебность военных вынудила Кейтеля издать секретный указ, приказывавший генералам «уничтожить все копии... указа фюрера от 13 мая 1941 г.». Но он добавил: «Уничтожение копий не означает отмену приказа». Разрыв между политикой и практикой, а также между большим количеством генералов и послушных подхалимов вроде Кейтеля неумолимо увеличивался с началом Восточной кампании.

Предполагаемые наследники

Ранние замечания Гитлера навели всех на мысль, что каждый из трех основных претендентов на наследие Востока – Розенберг, Гиммлер и вермахт – получит долю в будущей администрации, причем основная тяжесть ляжет на гражданское население, а вермахт и СС будут выполнять конкретные, ограниченные функции. Однако вскоре стало очевидно, что на фактическое разделение власти влияли многочисленные интриги между конкурирующими группами. И жертвой этих интриг почти всегда был Розенберг.

Большую часть времени находившийся за кулисами Мартин Борман придерживался позиции, которую он мог продвигать, пользуясь своим авторитетом у Гитлера. «Злой гений Гитлера», «Мефистофель фюрера», «коричневый кардинал» – эти и подобные эпитеты отображают мнение других немецких лидеров о Бормане. Как и у Гиммлера, у Бормана тоже была своя личная империя – аппарат нацистской партии, – но он не был скован такими вещами, как преданность великой цели Гиммлера, соблюдение самодельных «принципов» Розенберга или традиции и щепетильность армии. Старательно скрываясь за кулисами, он был откровенным сторонником макиавеллизма, безудержным в своей ярости по отношению к любому, кто активно или пассивно стоял на его пути.

Борман презирал Розенберга как витавшего в облаках мечтателя и считал само собой разумеющимся, что Розенберг должен был быть использован в его (Бормана) интересах. Поэтому Борман был претендентом совсем другого кроя – эффективным, и не из-за какого-то его официального статуса в восточных делах, а из-за авторитета, которым он пользовался у самого Гитлера; у своего коллеги в штаб-квартире фюрера Ганса Генриха Ламмерса, начальника Имперской канцелярии; а позднее и у номинального подчиненного Розенберга гаулейтера Эриха Коха, рейхскомиссара Украины.

Некоторые в СС ожидали, что в соответствии со своим элитным статусом и растущим влиянием в Третьем рейхе Гиммлер станет главным политиком на будущем оккупированном Востоке. В СС уже намечались планы относительно роли, которую они сыграли бы в будущей администрации. Борман, однако, был намерен не допустить дальнейшего роста влияния СС. Потому он решительно поддержал кандидатуру Розенберга в имперском министерстве оккупированных восточных территорий – не потому, что уважал Розенберга, а именно потому, что знал, что он не опасный соперник.

У Бормана был шанс в апреле 1941 г., когда переговоры о координации действий между будущими отрядами СД и армией предоставили возможность для неофициальных обсуждений, в ходе которых СС выдвинули дополнительные требования. В чем СС и армия нашли точку соприкосновения, так это во враждебности к гражданским ветвям. Потому было вполне есте-

ственно, что некоторые офицеры СС пытались убедить ОКВ, что им следует поделить «восточный пирог» между собой, чтобы вермахт стал хозяином передовой зоны, а СС остались свободным корпусом, фактически ответственным за новый порядок на Востоке. Для армейских офицеров представители СС стремились изобразить будущую роль СД на Востоке как «передовых групп» будущих «комиссариатов». Этот план был обречен на неудачу. Военные боялись предоставить СС слишком много свободы, в то время как в самих СС происходили внутренние противоречия, так как ваффен СС требовали более привлекательной роли, чем роль «сторожа» в тылу. Более того, слишком длинной была история трений и подозрений между армией и СС, чтобы ее можно было так просто забыть; и Гитлер уже дал Розенбергу первое задание по подготовке будущей администрации. Таким образом, в середине мая, когда генерал Вагнер доложил о требованиях СС начальнику Генерального штаба сухопутных войск, Гальдер загадочно отметил в своем дневнике: «Отряды СС в тылу: в миссиях, запрошенных этими подразделениями, должно быть отказано».

Тем временем эта проблема была доведена до сведения Гитлера. Борман, стремясь повлиять на ход событий, убедил фюрера «обсудить дело со всеми, кого это касается» – что было характерно для Бормана – не на общем совещании, а с глазу на глаз. Как представитель партии, Борман возражал против роста влияния армии и СС; слухи о размещении войск на Востоке, как писал участник борьбы, сулили ненавистным для партийного аппарата армии и СС «такую власть, которая была бы проблематичной, а может быть, даже опасной» для партии. В этом отношении Розенберг и Борман были солидарны друг с другом.

«НСДАП как «носитель политической воли» немецкого народа должна была оказывать решающее влияние в управлении российскими территориями, – утверждает он [Борман], – т. е. гражданская администрация должна была быть создана нацистской партией и управляться ей же».

Борман успешно провоцировал Розенберга на противодействие схеме СС – настолько успешно, что человека, расстроившего его планы по гегемонии на Востоке, Гиммлер видел не в Бормане, а в Розенберге. И он так никогда и не простил будущего министра по делам оккупированных восточных территорий за этот удар в спину – удар, который на деле был нанесен Борманом.

6 мая Розенберг несколько напыщенно, но в целом без злых намерений сообщил Гиммлеру о своем назначении и попросил рейхсфюрера СС назначить посредника между ними. Гиммлер отреагировал со злобой. 21 мая он издал указ о функциях СС и СД на Востоке. Указ старательно игнорировал Розенберга и подчеркивал «содействие Верховного командования армии» в предлагаемых им мерах «по исполнению особых поручений, возложенных на меня фюрером в области политического управления». Пренебрежение к Розенбергу было налицо. Оно было выражено в четкой форме в письме Гиммлера Борману четыре дня спустя. Отказав Розенбергу в требовании утвердить все назначения персонала СС на Востоке, возмущившись его попытками посягнуть на полномочия рейхсфюрера СС и стремясь максимально расширить свою сферу действий, Гиммлер напомнил Борману, что «на мой вопрос в рейхсканцелярии фюрер сказал мне, что [в выполнении своих задач] я не обязан подчиняться Розенбергу».

«Из-за манеры, – заключил он, – с которой Розенберг подходит к данному вопросу, с ним, как обычно, бесконечно сложно работать один на один... Работать с Розенбергом, а уж тем более под его началом, – безусловно, самое трудное в НСДАП».

Тем временем Гитлер стоял на своем. Власть оставалась разделенной между его заместителями, и, вопреки протестам Розенберга, фюрер подтвердил, что полицейские вопросы на Востоке должны были решаться людьми Гиммлера.

Розенберг теперь рассматривал Гиммлера и Бормана как опасных врагов. Годы спустя в своей тюремной камере в Нюрнберге он с горечью вспоминал, как они сговорились против него. «Вот так, – писал он с жалостью к себе и неуместной иронией, – началась моя кропотливая

борьба за благородную концепцию рокового восточного вопроса... Мартин Борман отстаивал интересы рейха с предвзятостью по отношению к слабому Розенбергу, который, возможно, по-прежнему симпатизировал славянам больше, чем того требовало проведение Ostpolitik в военное время. И Гиммлер поддержал эту точку зрения...»

Конфликт между Гиммлером и Розенбергом продолжался. Еще до начала вторжения СС запросили более широкие полномочия на Востоке. Розенберг, всегда видевший во всем подвох, быстро узрел в этом вызов своему политическому превосходству и сразу же отклонил предложенную поправку. Гиммлер вернулся с подправленной версией, которая позволила бы Розенбергу издавать декреты – в соответствии с директивами Гиммлера. Розенберг снова возразил. Вежливо доложив фюреру о том, что ведутся «длительные обсуждения отношения полиции к новому порядку на Востоке», он ясно дал понять, что предложенные СС изменения для него были неприемлемы. Со временем борьба между Розенбергом и Гиммлером становилась все более напряженной.

Экономические учреждения

Органы, занимавшиеся экономической эксплуатацией СССР, занимали особое место в конкурсе на власть. Министерство сельского хозяйства, министерство экономики, экономическое управление ОКБ под руководством генерала Георга Томаса и ведомства Германа Геринга – управление по четырехлетнему плану и особая полувойсковая организация по эксплуатации Востока, Wirtschaftsstab Ost (Центральное торговое общество «Восток») – были заинтересованы в ограничении полномочий персонала Розенберга; все они были в разной степени не согласны с поддерживаемой им политикой.

К 10 декабря 1940 г. Верховное командование получило первый комплексный отчет о предполагаемом использовании восточных ресурсов. К февралю 1941 г. был набран штат «Ольденбурга» и была изложена его основная политика; это было кодовое название будущего торгового общества «Восток». Обозначая полномочия данной организации, генерал Томас «ясно дал понять, что она должна быть независимой от военных и гражданских администраций». Отчасти это было бюрократическое строительство империи, отчасти спрос был обусловлен рядом различных факторов. Не было ничего противоестественного в том, что конкретная организация, которой поручены вопросы экономической эксплуатации, поставит во главу угла свои собственные задачи. Но вермахт, Розенберг и Борман в кои-то веки сошлись во мнении: «Планы операций не должны подстраиваться под экономистов».

Продолжая свое планирование в условиях относительной секретности, «Ольденбург» подготовил отчет о целях, который затем был представлен другим ведомствам на утверждение. Набор аксиом, принятый 2 мая, представляет собой яркий образец крайнего экономического этноцентризма:

1) Войну можно проводить только в том случае, если к третьему году войны [начиная с сентября 1941 г.] вооруженные силы Германии можно будет полностью прокормить за счет России.

2) Таким образом, десятки миллионов, несомненно, погибнут от голода, если мы заберем из страны все, что нам нужно.

Такая точка зрения положила начало коалиции между экономическими эксплуататорами и сторонниками политики колонизации на Востоке. Позиция обеих подразумевала полное пренебрежение интересами населения Востока. Формировался своеобразный союз между различными ветвями, основанный на ведении неополитической войны на Востоке – неополитической в смысле отказа от «обещаний» или «уступок» советскому населению в попытке переманить его на сторону Германии; отказа признать местное население чем-то большим, чем объектом

эксплуатации. В этом отношении с началом войны и СС, и высшие экономические эшелоны и «колонизаторы» вроде Бормана могли прийти к соглашению.

Пожалуй, наиболее претенциозными из экономических директив, отражавших эту позицию, были «Двенадцать заповедей», подготовленные Гербертом Бакке, статс-секретарем (и впоследствии министром) по вопросам продовольствия и сельского хозяйства. Россия, по его словам, «существовала только для того, чтобы кормить Европу». Для реализации его фантастических планов требовалось особое отношение со стороны нацистских чиновников.

«Лучше ошибочное решение, чем отсутствие решения... – наставлял Бакке немцев, которые должны были взять на себя ответственность за советское сельское хозяйство. – Краткие, четкие инструкции подчиненным в виде приказов; никаких объяснений или причин не давать... Всегда демонстрируйте единство немцев. Перед русским надо защищать даже ошибки немцев».

Провозглашая превосходство интересов Германии, Бакке читал лекции своим приспешникам: «Вам никогда не удастся переговорить русского или убедить его словами... Вы должны действовать. На русского могут произвести впечатление только действия, потому что русский – существо женственное и сентиментальное». В то же время он приказал: «Держитесь подальше от русских; они не немцы, они – славяне... Русский на основе многовекового опыта смотрит на немца как на превосходящее его существо».

«Низшие существа» – русские – не могли стать полноправными партнерами рейха. «Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках». Выводы были очевидны: «Русский человек привык за сотни лет к бедности, голоду и непритязательности. Его желудок растяжим, поэтому не допускать никакой поддельной жалости!»

Бакке стал частью «Ольденбурга». Вальтер Функ также вступил в ряды врагов Розенберга. Как он позднее свидетельствовал, он «пытался помешать Розенбергу основать новую организацию (для управления советской экономикой), что тот намеревался сделать». Розенберг робко признавал, что в его отношениях с экономическими учреждениями «определенные проблемы» все еще оставались «нерешенными».

Министерство иностранных дел

Таким образом, Розенберг с самого начала был изолирован совокупностью сил, которые, хоть и состояли в разногласиях друг с другом, объединились в стремлении урезать границы полномочий, на которые он претендовал. Не все были такими же влиятельными, как Борман или Гиммлер.

С началом войны министерство иностранных дел, этакая «аристократическая аномалия в революционном мелкобуржуазном государстве», начало ощущать последствия стандартного процесса отхода от дипломатии в военное время – особенно остро проявлявшиеся из-за личных качеств его главы. Министерство иностранных дел даже не было приглашено к участию во «внутреннем круге» советников, которые занимались подготовкой к военной кампании против СССР. Это не помешало ему спроектировать и учредить еще в апреле 1941 г. ведомство *Auswärtiges Amt* (министерство иностранных дел), состоявшее из ведущих немецких экспертов по делам СССР. Однако советник Георг Гросскопф, преданный спонсор ведомства (а впоследствии офицер связи у Розенберга), и не догадывался, что многие из его будущих членов занимали должности в других учреждениях, которые и сами планировали управлять завоеванными советскими территориями. Таким образом, так называемый «российский комитет» больше походил на правительство в изгнании. В глазах Гитлера они остались кучкой «обманутых дураков».

Министерство иностранных дел тем не менее продолжало пытаться выполнять свою функцию. 22 мая – за месяц до нападения – Гросскопф предложил план преодоления существовавших «резких расхождений» между ведомствами Германии путем назначения представителей министерства иностранных дел в каждом регионе оккупированного Востока. Однако Розенберг, как всегда, был врагом министерства иностранных дел, которое он в течение многих лет безуспешно пытался вытеснить своей собственной организацией. Но когда Розенберг заявил, что услуги министерства иностранных дел на Востоке не требуются, Риббентроп, также завидовавший его полномочиям, поспешил резко возразить: «Территория, которая будет оккупирована немецкими войсками, – писал он, – будет со многих сторон граничить с другими государствами, интересы которых будут затронуты в наибольшей степени... Министерство иностранных дел не может смириться с отсутствием на месте представителей, натасканных по вопросам внешней политики и разбирающихся в местных условиях».

Риббентроп хотел, чтобы офис Розенберга ограничился лишь административными вопросами, предоставив решение политических вопросов *Auswartiges Amt*.

Несмотря на решительный отказ от данного предложения, Розенберг не мог закрыть глаза на требования о назначении дипломатических представителей в качестве наблюдателей при передвижении армии и гражданского персонала на Восток. Вскоре после начала вторжения было учреждено соответствующее ведомство. Несмотря на то что Розенберг пошел на уступку – отчасти чтобы отделить дипломатический корпус от армии, – он остался верен своим политическим прерогативам. Поэтому в свойственной ему манере, когда ему казалось, что кто-то посягает на его безраздельную власть, он заявил, что «...фюрер поручил ему взять на себя ответственность за будущие политические условия в восточных регионах. Эта миссия, по его словам, не имела временных рамок, и он намеревался сформировать политические условия в этих регионах в соответствии с этой миссией. Поэтому он не мог позволить министерству иностранных дел вмешиваться...».

В каком-то смысле и Розенберг, и Риббентроп сражались с воображаемым оппонентом. Им обоим недоставало хитрости и напористости. Но Розенберг был новичком, набирающим популярность, а министерство иностранных дел уже находилось в упадке. Его роль в восточных вопросах была лишь вспомогательной.

Министерство пропаганды

Хотя министерство Йозефа Геббельса не могло претендовать на право голоса в фактическом управлении оккупированными территориями, оно предложило свою кандидатуру для выполнения чрезвычайно важной задачи – «заполнить пустое советское пространство пропагандой». Стремясь выполнить это требование, Геббельс столкнулся с другими претендентами на эту роль: министерством иностранных дел, людьми Розенберга и отделом пропаганды армии (пропагандистские роты вермахта).

Некоторые экстремисты заявляли, что нет смысла «заигрывать» с восточным населением, ведь оно все равно не могло стать ни «союзником», ни даже членом европейского содружества наций. Другие, наоборот, предпочли бы сосредоточить свои усилия на том, чтобы сделать советское население партнерами завоевания. Министерство пропаганды колебалось между этими двумя крайностями. Геббельс изначально поощрял отношение к «восточникам» как к полудиким рабам. С другой стороны, единственная цель пропагандиста на Востоке могла заключаться лишь в том, чтобы убедить местное население отказаться от своей партии в пользу рейха. Геббельсу, хоть он и был умным пропагандистом, трудно было сориентироваться в сложившейся ситуации. Некоторое время он колебался между примитивным обозначением России, большевизма и еврейства и более тонкой и «реалистичной» пропагандой, которая понравилась бы советскому населению. Но Геббельс был слишком опытным демагогом, чтобы

отказаться от своих колебаний. В отличие от Розенберга он привык к напряженным внутрипартийным разногласиям.

Хотя прошло некоторое время, прежде чем Геббельс встал на сторону определенной пропагандистской политики на Востоке, их личные взаимоотношения с Розенбергом были натянутыми, и они стали настолько напряженными во время войны, что они и вовсе отказались работать друг с другом. В своих послевоенных размышлениях Розенберг заявлял, что «министр пропаганды был абсолютно бесполезен». Геббельс, в свою очередь, вскоре стал настаивать на том, что «Розенбергу самое место в башне из слоновой кости» и что «из-за своей склонности совать нос в дела, в которых он совершенно не разбирается» Розенберг, «неугомонный простотифия», в значительной степени виноват в провале Германии на Востоке.

Важной фигурой в отношениях между Геббельсом и Розенбергом был Эберхард Тауберт, глава восточного отдела имперского министерства народного просвещения и пропаганды. Будучи посредственностью, умевшей лишь заискивать перед Геббельсом и очернять его многочисленных врагов, на Лейпцигском процессе Тауберт сыграл ключевую роль в сборе «доказательств» в пользу того, что поджог Рейхстага был совершен нацистами. Несколько лет спустя он принял участие в «нацификации» немецкого образования в России, активно помогая изгнать некоторых ведущих ненацистских историков. Теперь он занял позицию против Розенберга и его сторонников, с некоторыми из которых ему уже доводилось мериться силами.

С начала апреля 1941 г. Тауберт был занят расширением своего и без того внушительного штата. К «восточному отделу» министерства пропаганды и Антикоминтерну он добавил «Винету» – таково было кодовое обозначение нового офиса, который занимался подготовкой радиотрансляций, плакатов, листовок, фильмов и записей для Востока. Его работники, практически заключенные под арест во избежание утечек в последние недели перед наступлением, тщательно готовились к действию.

Глава 3

Политические цели и национальный вопрос

Кремль и народ

Строя планы будущего России, нацистская Германия с самого начала отменяла традиционную концепцию «ограниченной войны». Признаки ограниченной войны, подразумевавшие приобретение определенной территории или увеличение власти и авторитета за счет проигравшего – однако признание противника законным членом международного сообщества без попыток изменить политические, социальные и идеологические основы вражеского государства, – явно отсутствовали в намерениях Германии. Многие помощники Гитлера неоднократно подчеркивали, что если бы он хотел добиться «ограниченных» уступок, он мог бы добиться их от Москвы, не прибегая к войне.

Самой очевидной политической целью было искоренение советской власти немецкими войсками. Устранение большевизма как поддерживаемой государством воинствующей идеологии было единственной целью, в отношении которой ненацистские генералы, дипломаты и должностные лица были солидарны с нацистами.

После насильственного устранения советского режима и его идеологии перед Берлином встал бы выбор: воззвать к советскому народу, попытаться убедить его присоединиться к европейскому «содружеству наций», стать партнерами нового порядка или предоставить ему самому определить свою судьбу после свержения большевизма; либо пойти войной не только против Кремля, но и против народа.

Было очевидно, что в нацистском мировоззрении Россия и большевизм являлись органически родственными явлениями. Более того, Гитлер и его последователи отрицали наличие у российского народа способностей к «созданию государства» и стремления к прогрессу. Кроме того, учитывая стремление Германии стать постоянным хозяином Востока и заполучить пространство для расселения и расширения, Гитлер так или иначе предпочел бы войну против и режима, и людей: на Германию было возложено спасение европейской культуры от российского государства и его «большевистского» населения.

Одной постоянной в нацистском мышлении был страх перед «русским колоссом». По официальному мнению Берлина, даже под немецким контролем территория России в Европе была огромным блоком, который когда-нибудь мог бы снова представлять угрозу для рейха. Следовательно, Гитлер решил, что необходимо не только заняться радикальной социальной хирургией, ликвидировать зародыши большевизма и сделать невозможным возрождение сильного восточного соседа рейха, но и «умиротворить Восток», внедряя элементы раздора в то, что когда-то было СССР. «Советский пирог» должен был быть разрезан на столько ломтиков, на сколько возможно. Мало того что территория должна была быть разделена на отдельные административные единицы, но также должны были систематически поощряться дальнейшие разделения – особенно по национальным, социальным и религиозным признакам. Многочисленные единицы должны были быть изолированы друг от друга, чтобы предотвратить возникновение мощи в будущем – и позволить немецкому народу наживаться на ресурсах Востока.

После начала вторжения Гитлер продолжал развивать эту идею. Его целью было «лишить [восточные народы] любой формы государственной организации и, как следствие, свести их культурный уровень к минимуму. Наш главный принцип должен состоять в том, чтобы у этих людей было лишь одно оправдание факта их существования – быть экономически полезными для нас». Фюрер поразительно четко изложил элементы деления, которые он хотел бы поддерживать: «Наша политика на обширных российских территориях должна заключаться в поощ-

рении любого рода разногласий и расколов». Основополагающая концепция в формулировке немецкого чиновника три года спустя сводилась к следующему: «Максимально возможный раздор в восточной области сводит ее мощь на нет и способствует продвижению интересов Германии».

Настаивая на распылении Востока в будущем, под немецким правлением, Гитлер, как это ни парадоксально, отказывался использовать существовавшие в советском обществе многочисленные расколы между властью и народом. Он решительно отказался предложить советскому населению какую-либо перспективу будущего самоуправления или политической организации. Союз – даже тактический – с восточными народами был чем-то немыслимым в концептуальных рамках его мировоззрения.

Розенберг и национальный вопрос

«Разве вы не заметили, что немцы, которые долгое время жили в России, уже никогда не могут снова стать немцами? – спрашивал Гитлер. – Огромные пространства очаровали их. В конце концов, Розенберг неистовствует против русских только потому, что они не позволяют ему быть одним из них».

Несмотря на то что это была весьма упрощенная интерпретация, Гитлер очень точно уловил важную черту человека, которого он выбрал на роль формального правителя оккупированного Востока. Таковым был один из парадоксов немецкой Ostpolitik – взгляды Розенберга сильно разнились со взглядами его фюрера. Не то чтобы как национал-социалист Розенберг был «хуже», чем Гитлер. Но в отличие от грубого негативизма, который Гитлер питал к народам Советского Союза, Розенберг придерживался более утонченной и мягкой «концепции», которая была более политически ориентированной, нежели беспорядочное применение германской силы, за которое ратовал Гитлер.

Они сходились во мнении, что «о воссоздании национальной Великой России в старом смысле не может быть и речи». Но, в отличие от своего вождя, Розенберг отказывался считать весь Восток однородной массой низших существ.

«Мы должны перестать делать акцент на так называемом «восточном духе»... – писал он в своем знаменитом «Мифе XX века». – Многие немецкие национал-социалисты придерживаются этой точки зрения, не имея при этом более полного понимания этого самого восточного духа. Но весь Восток многообразен».

Смешать все «восточные» народы – россиян и украинцев, калмыков и эстонцев, грузин и татар – в одну обобщенную категорию значило бы свести на нет все организованные усилия по отношению к внешней политике Германии. Для Розенберга врагами были не народы Советского Союза в целом, а только великороссы. Определяя «Московское государство» как ядро и символ «русско-монгольской отсталости», он подчеркивал необходимость четкого разделения между великороссами и прочими национальностями СССР. Не ожидая возрождения России, уже в 1927 г. Розенберг советовал: «Усилия Германии в восточном вопросе должны быть обращены в другом направлении: необходимо брать во внимание развитые сепаратистские движения на Украине и на Кавказе».

Предпосылки концепции Розенберга следует искать в революции 1917 г. К тому времени Российская империя поглотила – войнами, договорами и завоеваниями – обширные территории, населенные народами, этнически отличными от великороссов. Некоторые из них (украинцы и белорусы) были славянами, тесно связанными с великороссами культурой, религией и обычаями, но обладали и гордились своими собственными языками и традициями. У других народов не было почти ничего общего с русскими, когда они стали субъектами их государства. С течением времени представители этих национальностей переняли значительную часть русской культуры, и многие из них стали считать себя русскими в более широком смысле этого

слова. С другой стороны, царская политика национального угнетения и принудительной русификации, а также общий подъем национального самосознания – в каком-то смысле схожий с тем, который происходил в других местах в Восточной Европе, – привели некоторых из их членов к политической оппозиции российскому режиму. Эти две тенденции варьировались по величине и глубине от региона к региону. Если к 1917 г. поляки и финны были самостоятельными нациями, которые успешно противостояли русификации, многие другие этнические группы не имели достаточного уровня осознания «отличности», на котором могли бы основываться требования отдельной государственности. Хотя притязания нерусских национальностей в значительной степени способствовали развалу администрации после свержения царя, подавляющее большинство национальных представителей – за исключением финнов и поляков – требовало самоуправления или внутренней автономии, а не полной независимости. Только хаос, последовавший за захватом власти большевиками, вызвал распад империи, в результате которой антибольшевизм в некоторых районах принял антироссийские оттенки и, порой поддерживаемый иностранными державами, порождал недолговечные национальные правительства, которые провозглашали о своей суверенной независимости.

В скором времени большевики начали звать ко всем группам меньшинств – как национальных, так и социальных, – чья поддержка в революции могла помочь ослабить режим. В 1917 г. они стремились продвигать лозунг «национального самоопределения», чтобы использовать нерасторопность демократического Временного правительства в удовлетворении потребностей нерусских национальностей против него. После захвата власти советское правительство сначала признало право на национальное самоопределение, но в то же время стремилось установить советские порядки в каждом национальном регионе. К 1918 г. оно отняло если не право, то по крайней мере целесообразность отделения. В обмен на отказ от отделения от советского государства оно обещало каждому нерусскому народу режим, который был бы «национальным по форме, социалистическим по содержанию». Если и в теории, и в практике требования советского государства и «мировой революции» строго ограничивали сферу политической автономии в национальных областях, формальная структура государства после 1924 г. представляла собой федерацию национальных республик и автономных областей, где каждая национальность обладала формами самоуправления и некоторыми теоретическими правами; и по крайней мере в 1920-х гг. советское правительство способствовало развитию национальных языков, историй и культур.

Было много разговоров о том, какое же влияние советская политика оказывала на политическое сознание в национальных областях. Некоторые важные жалобы (касательно образования, языка, прессы) были удовлетворены в достаточной степени, чтобы свести на нет сепаратизм 1918–1920 гг. Растущее количество связей внутри населения как следствие переселения и урбанизации, эмиграция, смерть и арест многих наиболее экстремистских националистических лидеров, а также появление нового поколения воспитанных в Советском Союзе мужчин и женщин способствовали усилению ощущения сплоченности в обществе – сплоченности, сводившей национальную напряженность к «всероссийскому» или «всесоюзному» патриотизму. Однако в то же время этот рост качества образования и количества связей породил субъективное осознание различий, особенно среди представителей нерусской интеллигенции. Более того, коллективизация, репрессии и введение тотального контроля, помимо множества великороссов, коснулись и миллионов нерусских, поэтому к концу 30-х гг. самые проникательные или подозрительные уже могли разглядеть зачатки русского шовинизма в советской политике, в самом деле отошедшей от национального эгалитаризма прошлых лет. Будучи не самой острой проблемой, для советской власти национальный вопрос все же по-прежнему оставался источником проблем, которыми другая держава, намеренная захватить СССР, могла воспользоваться в своих целях.

Подобно тому как Розенберг и Гитлер отвергали проведение политической войны, в которой *все* советское население стало бы целью, они также были солидарны в отношении отказа от самоопределения в национальном вопросе. Разница в планах Розенберга и Гитлера состояла не в необходимости принятия Германией решений и контроля над Востоком, а в политическом будущем этого региона. Гитлер рассматривал составные элементы Советского Союза как более или менее равноправные группы. Для него создание административных единиц, основанных на национальных территориях, было механизмом, предназначенным для облегчения немецкого контроля, но лишенным непосредственного политического значения; у него не было никаких планов по поддержке новых национальных движений на Востоке, и он был не прочь поделить любую национальную область на более мелкие части. Администрации разных областей различались лишь внешне, но все служили одной цели – полный немецкий контроль. Розенберг же видел качественные различия между народами Востока, приписывая великороссам что-то вроде первородного греха и предусматривая в своих политических планах поддержку нерусских национальностей в борьбе против «Московии».

Дифференцированная политика Розенберга в отношении восточных национальностей нашла выражение в плане создания санитарного кордона против великороссов, состоявшего из Украины, Белоруссии, стран Прибалтики, Кавказа и Центральной Азии, – у всех у них имелось то или иное местное самоуправление, но все они зависели от рейха.

Это была еще одна причина политической изоляции Розенберга. Из-за своей теории он вступил в конфликт с традиционными нацистами, чьей единственной целью было колонизировать и эксплуатировать весь Восток. С другой стороны, его избирательная схема настроила против него те элементы в Берлине, которые выступали за партнерство со всем советским населением, как с русскими, так и с нерусскими.

Разрезание пирога

Несмотря на свою неприязнь к Розенбергу, Гитлер, похоже, поначалу не видел разницы между их точками зрения. После прихода к власти Гитлер попытался «навести мосты», заявив, что нацистская цель на Востоке должна была представлять собой союз Германии с «Украиной, Поволжьем и Грузией. Союз, но не равноправный; это будет союз вассальных государств, без армии, без отдельной политики, без отдельной экономики». Только с течением времени их разногласия стали более четко выраженными и приобрели практическое значение. События 1938–1940 гг., такие как создание «протектората» в Богемии (Чехии) – Моравии, «генерал-губернаторства» в Польше и марионеточных правительств в Словакии и Норвегии, судя по всему, усиливали пристрастие Гитлера к зависимым государствам. Поэтому в ходе первого обсуждения планов вторжения и предполагаемого разделения СССР летом 1940 г. Гитлер сразу наметил четыре области, которые были бы в непосредственной близости от наступающих войск: «Украина, страны Прибалтики, Белоруссия, Финляндия».

Упоминание Финляндии было связано с желанием Гитлера вознаградить ее за участие в предстоящей кампании, отдав ей часть территории России. Остальные три единицы, упомянутые фюрером, являлись «логическими» подразделениями, совпадавшими с этническими и административными образованиями в СССР.

Через неделю выяснилось, какую степень независимости он собирался им предоставить. Гальдер обобщил тайное обращение Гитлера от 31 июля 1940 г. следующим образом: «В конечном счете Украина, Белоруссия, страны Прибалтики отходят нам. Финляндия расширяется в сторону Белого моря». На этом планы Гитлера относительно будущего территориального устройства в 1940 г. заканчивались.

Вопрос о будущей политической организации снова начал обсуждаться лишь в марте 1941 г., когда военные приготовления к нападению продолжались уже в течение нескольких

месяцев. Несмотря на то что Гитлер все еще думал о марионеточных правительствах, теперь его планы были нацелены на установление прямого и полного немецкого контроля под руководством рейхскомиссаров, управляющих новыми сатрапиями. Можно предположить, что смещение акцента от создания новых государств, хоть и фиктивно суверенных, к зависимости от Германии было вызвано его нараставшим «головокружением от успеха». В 30-х гг. он действовал в рамках европейской системы власти, осознавая конкурирующие и уравнивающие сочетания государств, в которых Украина или Прибалтика, зависевшие от рейха, но формально независимые, могли бы стать эффективным противовесом польской, советской или французской дипломатии; к 1941 же г. Гитлер решил, что Германия должна являться единоличным хозяином континента; ему больше не приходилось считаться с Западом как с конкурентом. Отныне он сам был себе закон.

В начале апреля военная цель была определена как достижение линии Архангельск – Астрахань («А – А»); политически (как выразился Гитлер спустя несколько месяцев) «мы должны позаботиться о том, чтобы не допустить возрождения военной мощи по эту сторону Урала». В рамках желанного советского пространства он теперь говорил о странах Прибалтики, Белоруссии и Украине как о «протекторатах». Его цели, поддержки которых он ожидал от Розенберга, кратко можно было выразить так: «Сокрушить вооруженные силы, развалить государство».

В течение следующих двух месяцев Розенберг занимал ключевую должность составителя политических планов. Благодаря этой должности он получил возможность продвигать свою собственную концепцию в отношении Востока. Его «Меморандум № 1» от 2 апреля был сосредоточен на его излюбленных идеях национальной и расовой неоднородности Советского Союза. Большевицкая Россия, равно как и царская, по его мнению, была многонациональным «конгломератом», включающим в том числе ряд «инородных» (*wesensfremd*) национальностей. Принимая как должное цель раздробления Советского Союза, он поделил область, в которой был заинтересован рейх, на семь регионов: Великороссия («Московия»), Белоруссия, Украина и Крым, Прибалтика, Донская область, Кавказ и Туркестан.

С учетом его основной концепции он проявил большую сообразительность, чем большинство его коллег. Он утверждал, что вместо того, чтобы откладывать политические решения, Германия должна установить организацию каждой из этих семи областей в соответствии с «политическими целями, которые мы стремимся достичь». Согласно его плану, «охвостье России» не только будет изолировано от внешнего мира поясом нерусских государств, но и будет лишено обширных русскоязычных территорий, которые должны были быть отнесены к Белоруссии (Смоленск), Украине (Курск, Воронеж) и Донской области (Ростов и низовья Волги). Россию нужно было ослабить еще больше путем «полного уничтожения большевистско-еврейской государственной администрации» и «интенсивной экономической эксплуатации». Более того, присуждение «Московии» низшего статуса позволило бы другим регионам использовать ее для отселения «нежелательных элементов своего населения».

Исходя из его ранних рассуждений, в рамках германского пояса, призванного окружить «московскую Россию», стоило выделить два региона: Украину и Прибалтику. Прибалтика должна была стать частью Германии после «неизбежного изгнания наиболее крупных слоев интеллигенции... вглубь российской территории». Как и следовало ожидать, решение, пропаганда которого должна была послужить основным источником конфликта с планами Гитлера – Бормана, касалось Украины. Здесь Розенберг предложил «...развитие национальной самобытности [*Eigenleben*] вплоть до возможного создания отдельного государства с целью постоянного контроля над Москвой, [только на Украине либо] в союзе с Донской областью и Кавказом в форме Черноморской конфедерации; а также достижение Великого немецкого *Lebensraum* с востока».

Следующие несколько недель Розенберг со своими подчиненными развивали основные принципы, изложенные в этом первом меморандуме. Украина оставалась одним из предпо-

лагаемых рейхскомиссариатов. Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония) и Белоруссия, первоначально считавшиеся двумя отдельными единицами, теперь должны были быть объединены в один рейхскомиссариат, ответственный за искусственное образование под названием «Остланд». Такое решение, основанное главным образом на соображениях административной полезности, едва ли было разумным с точки зрения долгосрочной политики Германии. Ввиду их исторического, политического и демографического характера и несовпадения в требуемом нацистской теорией обращении с ними объединение этих двух регионов в один рейхскомиссариат вызвало лишь путаницу и неразбериху.

От плана по созданию искусственной «Донской области», простиравшейся от Азовского моря до АССР Немцев Поволжья, было решено отказаться в пользу расширения Украины. В то время как «Донская область» действительно представляла бы собой искусственное образование без естественных границ, экономического единства и однородного населения, предполагаемое включение Крыма, а также русских и казачьих территорий к западу от Волги означало присуждение Украине обширных чужеродных земель.

Эти изменения не повлияли на основной план Розенберга. Он продолжал настаивать на «далеко идущей дифференциации [Nuancierung]» оккупированных районов. Германия должна была говорить об «украинском народе и его свободе», о «свободе народов Кавказа», о «спасении эстонского, латышского и литовского народов». Однако ни в коем случае нельзя было говорить о «России или о российской территории».

План завоевания

В преддверии немецкого вторжения план Розенберга призывал создать центральное агентство в Берлине для руководства всеми делами на оккупированном Востоке, а также сформировать четыре крупных региона (за исключением северного района, отведенного для Финляндии):

- рейхскомиссариат «Остланд» (РКО);
- рейхскомиссариат «Украина» (РКУ);
- рейхскомиссариат «Московия» (РKM);
- рейхскомиссариат «Кавказ» (РKK).

Несколько раз Розенберг пересказывал свои основные идеи, сопоставляя их с тем, что он называл «другой концепцией» Востока: будущим объединенным российским государством (также под руководством Германии). В обращении к своему штату за два дня до начала вторжения он отрекся от этого «другого» подхода, который (по его словам) предусматривал восстановление единой российской экономики после ликвидации большевизма и который стремился к возможному союзу между промышленной Германией и аграрной «национальной» Россией – как антикапиталистической, так и европейской по мировоззрению. Розенберг решительно отверг эту точку зрения. «За силой [западного] петербургского периода скрывалось первородное русское начало, которое всегда ненавидело Европу», – заявил Розенберг. Он согласился с Гитлером в том, что «мы совершаем этот «крестовый поход» не просто для того, чтобы навсегда спасти «бедных русских» от большевизма, а для того, чтобы внедрить мировую политику Германии и обеспечить будущее германского рейха».

Свой собственный лейтмотив Розенберг надлежащим образом сформулировал следующим образом: «Поэтому о войне с целью создания неделимой России не может быть и речи».

Врагом был не только Кремль, но и великорусский народ. Розенберг презирал Россию, но в то же время боялся ее. Следовательно, сажать на российский трон национального вождя было опасно, ведь тот мог мобилизовать все имеющиеся силы против рейха. Единственным элементом на Востоке, на чью поддержку Германия должна была полагаться, были «заключенные в тюрьму» народы.

Подтекстом в рассуждениях Розенберга, хоть и редко озвучивающимся, было его осознание того, что необходимо завоевать симпатию восточного населения. В то время как большинство других ведомств – СС, партийные чиновники и экономические учреждения – напряженно готовились к эксплуатации и истреблению, он нашел в себе мужество настаивать, по крайней мере на бумаге, что для умиротворения Востока «наиболее важной предпосылкой является соответствующее обращение со страной и населением... Захваченная территория в целом не должна рассматриваться как объект эксплуатации, даже если немецкая продовольственная и военная экономика потребует обширных территорий...».

Однако хорошее обращение было не целью, а лишь инструментом. С удивительной проницательностью провозглашенная Розенбергом альтернатива была сама собой разумеющейся: «Худшее, что может произойти с политической точки зрения, – заявлял он, – это если люди в условиях нашей экономической эксплуатации придут к выводу, что нынешний [т. е. немецкий] режим доставляет им больше неудобств, чем большевизм».

Как это должно было уживаться с его крайним антимосковизмом, оставалось неясным.

Три концепции

К моменту начала Восточной кампании немецкие политики и верхние слои армии договорились об одних целях, однако решительно не соглашались друг с другом в других. Общим знаменателем был план свержения советской власти и большевизма, в некотором смысле – ослабление России, обеспечение экономических преимуществ для Германии и, возможно, аннексия какой-то части советской территории, в частности Прибалтийских государств. Не считая этого, политические цели разнились. На одном полюсе находились Гитлер и Борман, сторонники политики, которые можно было резюмировать как «против Кремля и против народа». На другом были те, кто выступал за призыв ко всему советскому населению присоединиться к борьбе с Кремлем и жаждал увидеть Российское государство членом европейского сообщества, где национальные меньшинства были независимыми, если бы того пожелали. Розенберг занимал промежуточное положение, признавая, что необходимы определенные формы политической войны, принимая определенные национальности в качестве потенциальных союзников, но поддерживая Гитлера в «антироссийском» вопросе.

Изменения этих точек зрения в ходе войны будут рассмотрены в последующих главах. По состоянию на июнь 1941 г. представления Гитлера и Розенберга были ясно и красноречиво выражены; и хотя конфликт между ними по-прежнему оставался скрытым, у каждой из них были внятные и влиятельные представители. Трудности в попытках заявить о себе испытывала третья группа, которую простоты ради можно было охарактеризовать как «пророссийскую». Помимо того что к ней не примкнул ни один из ведущих нацистов, а сама обстановка вторжения создала далеко не благоприятные условия для выражения ее мнений, люди, которые ее придерживались, в основном занимали слишком низкие должности, чтобы им позволили участвовать в планировании вторжения; либо – как, например, некоторые немецкие дипломаты в Москве – были сняты с должностей, когда в Берлине были приняты соответствующие политические решения.

Единственным эффективным выражением, которое эта школа нашла на первом этапе войны, были пропагандистские роты вермахта. Здесь была составлена краткая директива, которая при всей своей ограниченности сформулировала совершенно иной подход. Он состоял из двух элементов для немецкой пропаганды, простота которых могла сравниться лишь с их редкостью в немецком планировании:

- 1) Вогнать клин между советским режимом и советским народом;
- 2) Остерегаться настроить потенциально дружественное российское население против себя перспективой разделения Российского государства.

В конце концов, некоторые из пропагандистских чиновников утверждали, что Советский Союз – и, предположительно, Красная армия – как минимум наполовину состояли из великороссов. Более того, не было гарантии того, что большинство в каждой нерусской области было бы радо сепаратистскому курсу. В конце концов, из соображений политической осторожности следовало избегать явной пропаганды сепаратизма. «На данный момент не стоит открыто выражать стремление к разделению Советского Союза на отдельные государства». Генерал Йодль подписал и отослал эту директиву, явно не осознавая, какую странную точку зрения он этим поддержал.

Гитлер эту позицию проигнорировал. Он до сих пор не требовал соблюдения Розенбергом своих собственных принципов. Фюрер для себя уже все решил и менять своих взглядов не собирался. «Малые суверенные государства больше не имеют права на существование», – заявил он. Следовательно, о «государственности» в каком-либо смысле в восточных регионах не могло быть и речи. Даже автономия или самоуправление были недопустимы. Как сказал Гитлер своим сподвижникам: «Путь к самоуправлению ведет к независимости. Нельзя удерживать демократическими институтами то, что было взято силой». И эта сила была в высшей степени обязана выполнять цели, которые он кратко сформулировал на первой конференции на тему будущего немецкого Востока после начала вторжения. Даже несмотря на то, что не стоило делать из народа врага «неоправданно и преждевременно», немецкое руководство «должно железно держать в уме, что мы никогда не покинем эти регионы». Хотя цели и методы Германии должны быть скрыты от мира в целом, «все необходимые меры – расстрелы, изгнание и т. д. – все равно *могут быть* приняты и *будут* приняты». Порядок был следующим:

- 1) завоевать;
- 2) править;
- 3) эксплуатировать.

Глава 4

Лицом к лицу: первые шесть месяцев войны

Периоды войны

Немногим более трех лет немецкие войска сражались на советской земле. Еще в течение почти одного года разваливающийся Третий рейх имел дело с восточной проблемой в виде солдат, рабочих и заключенных из Советского Союза. Что касается немецкого Ostpolitik, то эти четыре года от вторжения до капитуляции можно разделить на несколько удобных периодов.

1. Месяцы с начала вторжения в июне до неудачи в конце 1941 г. были периодом, за который немецкие армии изначально планировали покорить советского противника. Если бы машина работала не так гладко, как того ожидало руководство, общественность увидела бы лишь победное наступление, которое к началу декабря привело бы вермахт к вратам Ростова-на-Дону, Ленинграда и Москвы.

Позднее политика Германии должна была быть в какой-то степени адаптирована к изменившимся условиям войны, ко внутренней междоусобице и к волнениям местного населения на оккупированных территориях. Но в первые месяцы немецкие цели в чистом виде основывались на двух аксиомах быстрой победы и полного пренебрежения к народам Востока. Немецкая политика была необратимо запятнана после крупномасштабного геноцида военнопленных и проводимой айнзацгруппами кампанией по систематическому истреблению евреев и других. Однако, как это ни парадоксально, именно в этот период отношение к немцам местного населения на захваченных территориях было наименее враждебным. Активной оппозиции не было, а откровенное сотрудничество было широко распространено. Это происходило скорее вопреки, нежели благодаря политике захватчиков.

2. К декабрю 1941 г. сформировались два четких, но не связанных между собой процесса. Понеся тяжелые потери, немецкая армия была вынуждена отступить. А население оккупированных территорий все чаще обращалось против захватчиков. Начался новый период, охватывающий примерно весь 1942 г.: от немецких неудач в декабре 1941 г. до кризиса в Сталинграде в декабре 1942 г.

Хотя многие аспекты политики Германии оставались неизменными, основная ориентация изменилась в двух важных отношениях. Экономические трудности выдвинули на первый план потребность рейха в сырье, еде и рабочей силе с оккупированных частей СССР. С другой стороны, необходимость установления *modus vivendi*⁹ среди населения за линией фронта, на территории, оккупированной немецкими войсками, даже с сугубо эгоистичной и прагматичной точки зрения, принуждала к некоторым коррективам и определенным «уступкам» требованиям общественности.

Хотя эти два требования являлись взаимно противоречивыми, были предприняты попытки реализовать оба. В результате путаница была усилена ростом разногласий внутри германского руководства. Некоторые немцы после того, как их взгляды подверглись испытанию в ходе непосредственного контакта с Востоком, яро уверовали в нацизм. Другие вынуждены были искренне пересмотреть свои взгляды и вступить в ряды тех, кто выступал за более «разумную» политику. Зачастую этот новый подход порождался чистой необходимостью и осознанием того, что нынешняя политика приводила к гибели целей немецкой оккупации. Порой новый подход возникал из-за сострадания к миллионам людей, населявших восточные про-

⁹ Образ жизни (лат.).

странства. Чаще всего это было неразличимое сочетание обеих причин. В этот период как в Берлине, так и на фронте наблюдалась растущая поляризация политики и мнений.

3. Если уже зимой 1941/42 г. возникли сомнения в способности Германии победить Советский Союз, сокрушительное поражение под Сталинградом год спустя, а также высадка войск антигитлеровской коалиции в Северной Африке резко обозначили поворот в ходе войны. Возможно, Берлин еще этого не понял, но он уже фактически проиграл войну как на поле битвы, так и на захваченных территориях.

В третьем периоде, начиная со Сталинграда и заканчивая летом 1944 г., немецкая политика в отношении советского населения претерпевала изменения по масштабу, но не по форме и развивалась зигзагообразно, предвещая лихорадочный поиск новых решений в четвертый и последний период. В 1943 г. произошел значительный скачок в эксплуатации Востока, с массовым вывозом рабочей силы, беспощадным преследованием реальных и предполагаемых партизан и решительными мерами по увеличению производства. В то же время был предпринят ряд нерешительных и запоздалых попыток прийти к компромиссу с населением, которое окончательно настроилось против Германии. Некоторые из этих мер, порожденные внутренним перетягиванием каната, например, в области сельского хозяйства, имели право на жизнь; другие же, такие как попытка поставить бывшего советского генерала А.А. Власова в политическое руководство российских перебежчиков на немецкой стороне, провалились под тяжестью изжившего себя нацистского идеологического балласта. Во всяком случае, такие полумеры не могли изменить ход событий: они были предприняты слишком поздно, были слишком очевидно «утилитарными» и были проведены в то время, когда боевая обстановка и напряженность в рейхе приближались к кульминации.

4. К июлю 1944 г. война перешла к заключительному этапу. Равно как и немецкая Ostpolitik. Колеблющаяся и противоречивая, она преодолела весь путь от германского сверхчеловека до терпящего поражение воина, питающего последние надежды на чудесное спасение. Вслед за отчаянным отступлением немецких армий из России, высадкой западных союзников на берегах Франции и неудачным антигитлеровским переворотом 20 июля решающий момент был не за горами.

Четвертый период, начиная с высадки в Нормандии 6 июня 1944 г. и заканчивая капитуляцией Германии, был отмечен лихорадочным поиском «выхода». На еще оставшихся сотнях тысяч квадратных километров оккупированных земель это привело к крайней беспощадности; внутри нацистского руководства это вызвало внезапное и неожиданное изменение тактики. Гиммлер, грозный владыка СС, теперь был согласен на проведение «политической войны». Будто бы действуя в вакууме, конкурирующие фракции в этот поздний час продвигали свои любимые группы антисталинских изгнанников. Самообман и истерия были предвестниками гибели. Третий рейх шел на дно, оставляя за собой разоренный континент, опустошенные и разрушенные Германию и ранее оккупированные районы СССР, и Советский Союз в зените мощи.

На крыльях победы

Через два дня после начала боевых действий немецкие войска захватили Гродно, Вильнюс и Каунас; к концу июня они были во Львове, столице Западной Украины, а в Белоруссии они провели первую из многочисленных операций по масштабному окружению сил Красной армии. В июле группа армий «Север» стремительно продвигалась по Прибалтике в направлении Ленинграда, группа армий «Центр» разгромила противника в Смоленской области¹⁰, в

¹⁰ Смоленское сражение, в ходе которого советские войска наносили чувствительные контрудары, продолжалось с 10 июля по 10 сентября.

то время как более медленное продвижение румынских войск на юге вскоре было скомпенсировано наступлением немецких танковых и моторизованных соединений к Умани и Черному морю.

В течение первой недели кампании немецкое радио умалчивало об успехах армии. Затем 29 июня Берлин нарушил молчание, обнародовал двенадцать коммюнике, объявлявших о стремительном продвижении немцев. В официальных кругах нарастал оптимизм, и среди населения распространялся заразительный восторг, не чуждый после почти двух лет непрерывных побед.

Гитлер твердо верил, что Восточная кампания завершится в течение трех месяцев. Когда генерал Кёстринг, последний военный атташе в Москве, отчитывался перед фюрером, тот подвел его к карте и, указав на Россию, заявил: «Ни одна свинья меня отсюда не вышвырнет». Осторожный Кёстринг лаконично ответил: «Надеюсь, что нет». Военачальники были в восторге. Генерал Варлимонт, до этого настроенный более скептически, чем большинство его коллег, теперь признавал, что переоценил русских; Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, ожидал, что они будут в Москве уже к августу, и даже заявил 3 июля с поразительной самонадеянностью: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 недель». Далее Гальдер все же отмечает, что, «конечно, она [кампания] еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель».

Еще 8 июля он решил подготовиться к расквартированию немецких войск в зимний период, причем в качестве не боевых, а оккупационных сил. На следующей неделе сам Гитлер заявлял, что «военное правление Европой после завоевания России допускает существенную демобилизацию армии». Гитлер уже планировал масштабный двойной охват из Восточного Средиземноморья через весь Ближний Восток, и Верховному командованию с большой неохотой пришлось отложить эту кампанию до весны 1942 г. Однако по-прежнему считалось, что шестьдесят дивизий – треть от числа немецких в России – было бы достаточно, чтобы «усмирить» Восток.

Победоносное продвижение на Востоке продолжалось. В сентябре разгром сил Красной армии в Киевском котле принес немцам около 500 тысяч пленных; на центральном участке фронта Орел пал в начале октября; немецкие войска в октябре заняли Харьков и Белгород. Впечатленный успехами своих солдат Гитлер в напыщенной речи 3 октября объявил: «Теперь я могу сказать вам то, чего до сих пор сказать не мог, – враг был повержен и больше не встанет».

Через неделю доктор Отто Дитрих, статс-секретарь министерства пропаганды, заявил на пресс-конференции, что исход войны решен. Таково было опьянение от победы. Оно порожило благоприятные условия для самой крайней точки зрения: если война закончилась и восточные народы покорены, можно безопасно переходить к следующему этапу эксплуатации.

На Востоке

В скором времени немецкое Верховное командование было поражено тем, что, несмотря на сокрушительные поражения, советское сопротивление время от времени было невероятно искусным и сильным. В то время как в одних секторах русские солдаты выходили навстречу продвигавшимся немецким войскам и сдавались без лишнего шума, в других их упрямая стойкость заставила немецкое командование осознать, что оно недооценило своего противника. Хотя подробный анализ советской военной морали еще только предстоит провести, можно смело заявлять, что в рядах советских войск присутствовали элементы как сильного патриотизма, так и пораженчества. Большая часть солдат, оказавшись в боевой обстановке, сража-

лась, и часто сражалась хорошо; даже некоммунисты в Красной армии зачастую забывали свои прошлые обиды, бросив все силы на выполнение безотлагательной задачи – изгнания «внешнего врага». В то же время захват немцами масс военнопленных свидетельствовал о наличии трещин в советской лояльности – вне зависимости от того, была ли капитуляция вызвана изначальным недовольством советским режимом, военными обстоятельствами или стремлением найти легкий способ выйти из войны. Эта начальная реакция, по-видимому, была полностью предусмотрена советским Верховным командованием, приказавшим сформировать специальные заградительные отряды с целью предотвращения отступления военнослужащих РККА, а также ввести военный трибунал для «ненадежных» элементов.

Каким бы ни был истинный баланс этих противоречивых тенденций в советской морали, первых месяцев войны было достаточно, чтобы опровергнуть две крайние точки зрения, каждая из которых находила поддержку в Берлине: что советское население было безнадежно болыпевизировано и что для краха Советского Союза хватило бы легкого толчка извне, независимо от его источника и исполнителя.

В течение первых недель немцы продвигались по территории, которая до 1939–1940 гг. не была частью СССР. Разумеется, в принадлежавших ранее Польше Западной Украине и Западной Белоруссии¹¹, а также в странах Прибалтики¹² большая часть населения оставалась враждебной по отношению к советской власти. Образ почти единодушного приветствия, с которым местное население встречало немцев (образ, в последние годы доведенный до абсурда), в значительной степени отражал поддержку, которую жители западной периферии оказывали наступавшим немецким войскам.

Когда немецкая армия достигла территорий, на которых при советской власти выросло целое поколение людей, ситуация заметно изменилась. Жалобы на советский режим были по-прежнему широко распространены, но большая часть населения проявляла явно меньший энтузиазм по отношению к немцам по сравнению с их соседями в недавно захваченных западных районах. Можно было с уверенностью сказать, что отношение населения варьировалось от пассивного «настороженного ожидания» до оптимистичной дружелюбности к новым властям.

Несмотря на то что в этих районах прогерманские настроения были не так распространены, а в Красной армии резонировали сильные ноты патриотизма, не было никаких сомнений в том, что грамотные усилия, направленные на то, чтобы убедить местное население, как гражданское, так и военное, восстать против советской власти, могли бы принести существенные плоды. Но Германия не планировала удовлетворять желания народа на Востоке. Это отсутствие планирования было неотъемлемой частью нацистского подхода; считаться с восточниками значило бы скомпрометировать цели Гитлера.

Даже если нацистская догма запрещала подлинный союз с населением, рейх все же мог попытаться повлиять на него позитивной пропагандой. С сугубо прагматической точки зрения армия была заинтересована в подрыве сопротивления Советского Союза, а власти были озабочены сохранением безопасности и получением согласия на немецкое правление.

В начале войны казалось, что для достижения этой цели прилагались серьезные усилия. Послание Гитлера немецкому народу в утро вторжения содержало то, что оказалось его единственным прямым обращением к народам СССР. Его врагом, заявлял фюрер, был жидоболыпевизм, в то время как (вопреки ранней немецкой пропаганде) «по отношению к народам России немецкий народ враждебности никогда не испытывал». Через неделю Розенберг сделал достаточно неоднозначное заявление, которое можно было интерпретировать в том же ключе. «Национал-социализм, – писал он, – принимает всех, кто захочет присоединиться к нему в

¹¹ Захваченных Польшей в 1919–1920 гг., что было зафиксировано Рижским договором 1921 г.

¹² Добровольно вошедших после свободных всеобщих выборов, на которых победили народные фронты, в состав СССР в 1940 г.

этой борьбе». В общем потоке пропаганды, развязанной этой новой кампанией, эти два заявления выделялись как исключения. После этого не выходило никаких обращений к населению захваченных территорий, которые можно было бы истолковать в ключе обещаний на будущее.

Объем нацеленной на Красную армию немецкой пропаганды был колоссальным. До конца года над войсками противника было сброшено более 400 миллионов листовок, произведенных пропагандистскими ротами вермахта. Их содержание, однако, было весьма ограничено: в них советским солдатам предлагалось сдаться, а силы захватчиков изображались в качестве освободителей. В то время как первый посыл мог оказаться эффективным в ситуациях, когда Красная армия находилась в тяжелом положении, последний оказался полным провалом. Хотя в многочисленных сообщениях с фронта предлагалось использовать более «позитивные» и «существенные» лозунги, а сотрудники отдела пропаганды, в число которых входил ряд прозорливых немецких экспертов по советским вопросам, неоднократно выносили рекомендации по обещаниям самоуправления, земельной собственности и гражданских свобод, никаких радикальных изменений не последовало. Заявление Гитлера в начале октября о том, что война выиграна, сопровождалось приказом, запрещающим любые высказывания в пропаганде на Востоке о судьбе советских территорий, будущих политических договоренностях, намерениях Германии и земельном вопросе.

Таким образом, мало того, что немецкая психологическая война велась без использования самых эффективных мотивов, ситуация усугублялась в силу двух важных заблуждений. Во-первых, агитация в пользу дезертирства советских солдат велась без учета политики и пропаганды на захваченных землях. Немцы наивно полагали, что Красная армия не узнает о фактическом положении дел на оккупированных территориях. На деле же «сарафанное радио» среди советского населения работало быстро и в данном случае точно. Сообщения о злоупотреблениях и жестокостях немцев внесли большой вклад в сведения эффективно предлагавших сдачу в плен листовок к нулю. Во-вторых, не менее важным был разрыв между немецкой пропагандой на завоеванных территориях и реальной деятельностью. Плакаты и обращения к местному населению обещали лучшее будущее (порой вопреки директивам сверху), однако подобные заявления внушали мало доверия при виде поведения немцев.

Новый крестовый поход

Тем временем в Германии нацистский тезис о Востоке повторялся с удивительной монотонностью и избитостью. Тема, изображавшая войну как миссию по спасению западной культуры, была развита в лозунге «обеспечения безопасности Европы». Утверждалось, что Германия получила «европейский мандат» на спасение цивилизации «европейским крестовым походом».

Образ «Востока», с которым эта фиктивная «Единая Европа» боролась, был проекцией довоенной нацистской версии русской истории. Большевизм был не более чем «современной формой стремления, которым были движимы Аттила и Чингисхан». Подробная и широко освещенная работа была предоставлена профессором Вильгельмом Шюсслером из Берлинского университета в ноябре 1941 г. на лекции «От Петра Великого до Сталина». Поскольку советская революция была лишь новым выражением великорусского империализма, Германия, утверждал Шюсслер, лишь продолжала свою двухтысячелетнюю миссию по освобождению Европы от восточного «кошмара».

Прежняя роль Германии на Востоке была преувеличена, чтобы оправдать нынешние претензии. Было обнаружено, что даже в дохристианские времена протогерманцы жили на юге России; около 200 г. до н. э., утверждали немцы, их предки добирались до Казани, Самары и Волги; ранняя «германизация» достигла своего апогея при готах, когда «пространство между

Балтийским и Черным морями было заключено в скобки под скандинавским правлением». Это стало «отправной точкой для Великого германского рейха».

Народам на оккупированных территориях об этой кампании не сообщалось, но они должны были почувствовать ее последствия. Вернер Дайтц, высокопоставленный нацистский чиновник, сумел достаточно недвусмысленно продемонстрировать, что советские граждане и их территория не имеют права претендовать на суверенитет. В специальном исследовательском проекте были рассмотрены альтернативные способы эксплуатации, основанные на той аксиоме, что «конечно же... добыча должна пойти на благо Staatsvolk [т. е. немецкому народу]», который занимает и покоряет колониальный Восток. Последний же, будучи «культурно и духовно беднее», должен быть лишен своего суверенитета. Поскольку обнаружилось, что в колониальной зоне производят больше, чем потребляют, доклад завершался словами: «Это совершенно очевидно означает, что завоеванные регионы должны предоставлять рейху больше продуктов, чем получают от него».

Была заготовлена почва для заключительного этапа нацистской пропаганды: кампании «унтерменша». Геббельс заметил в своем дневнике, что «русские – это не люди, а кучка животных... Большевизм просто подчеркнул эту расовую особенность русского народа». И Гитлер согласился.

Унтерменш

В первые месяцы после вторжения советские военнопленные произвели глубокое впечатление на немцев на Востоке. Обращение немцев с пленными, в свою очередь, было, вероятно, первым существенным фактором, который настроил многих восточников против своих «освободителей».

Огромное количество советских солдат сдалось в плен в немецких котлах – более двух миллионов человек лишь за пять самых крупных сражений.

В массах советских военнопленных немецкая пропаганда разглядела свидетельство восточной неполноценности. Почти сразу после начала вторжения немецкие газеты начали публиковать фотографии красноармейцев, называя их «восточными вырожденцами». «Вот как выглядит советский солдат», – гласила типичная подпись; «азиатские и монгольские физиономии из лагерей военнопленных».

Именно в связи с этими фотографиями впервые появился термин Untermensch (недочеловек). Эти военнопленные – а значит, и все советские люди – были «низшими представителями человечества, воистину недочеловеками». «Когда борьба не имеет смысла – они борются. Когда шансы на успех еще есть – они отказываются бороться либо борются совершенно неправильно».

Эта тема была полезна и проста в использовании. Гитлер назвал восточников «монгольской угрозой»; СС вторило: «унтерменш». «Что при татарах, что при Петре I или при Сталине, этот народ рожден для ярма». Именно СС сыграли особую роль в пропаганде концепции «недочеловеков». Одна из их первых публикаций после начала вторжения официально завершила идентификацию режима и людей. Была опубликована брошюра СС: «Действительно, самая что ни на есть большевистская армия. Миллионы, обработанные всеми средствами массовой психологии, ставшие безмозглыми, пролетаризированными, с шорами на глазах; их звериные инстинкты были доведены до фанатизма, самих их превратили в машины: машины, созданные для атаки, для подавления, для сокрушения и слепого уничтожения... Машины, которые нельзя взять и переделать обратно в человеческих существ, способных рассуждать или сочувствовать беззащитным».

Хотя эта брошюра была всего лишь руководством для учебных курсов СС, другая публикация получила гораздо более широкое распространение и со временем снискала дурную

славу. Эта подготовленная, проиллюстрированная и распространенная учебным отделом СС брошюра продавалась во всех газетных киосках на протяжении нескольких месяцев. Она носила название «Der Untermensch»; ее 50 с лишним страниц состояли в основном из фотографий, тщательно подобранных с целью обыграть контраст между «восточными вырожденцами» и чистыми, здоровыми «нордическими немцами». Эта брошюра эффективно продемонстрировала неполноценность «восточных преступников» и завершалась зловещим воззванием: «Недочеловек восстал, для того чтобы покорить мир... Европа, защити себя!»

Эта ядовитая и примитивная пропаганда была рассчитана на то, чтобы толкнуть немцев на большие жертвы и установить надлежащее отношение к восточному населению. Когда дело дошло до «недочеловеков», СС объявили мораторий даже на свои обычные крупницы моральности.

Кампания против недочеловеков не могла не привести к серьезному пренебрежению и жестокому обращению с военнопленными. Это также мешало советским гражданам поддерживать своих новых хозяев. Жестокое обращение с пленными вскоре стало достоянием общест­венности и вышло немцам боком. Кампания против «недочеловеков» со всеми вытекающими последствиями была огромной тактической ошибкой, но она была естественной частью нацистского мировоззрения.

Армия и народ

В неуловимом балансе положительных и отрицательных переживаний, которым подвергалось восточное население на ранних этапах оккупации, неспособность немцев удовлетворить желания народа, несомненно, сыграла немалую роль. Влияние пропаганды было, мягко говоря, незначительным; а отдельные контакты людей с немецкими солдатами вызывали смешанные реакции с преобладанием разочарования.

Если в течение первых недель неопределенности население еще могло сохранять какое-то самообладание, вскоре придерживаться нейтралитета стало затруднительно. Сеть немецкого контроля затянулась, отряды прочесывали сельскую местность в поисках партизан и продовольствия. В то же время на сельское население начали нападать группировки советских партизан, требуя материальной поддержки и наказывая коллаборационистов. Оказавшиеся между советским молотом и нацистской наковальней люди на оккупированных территориях были вынуждены выбирать, и в условиях неизбежной поляризации на их выбор на ранних этапах влияли различные аспекты немецкой политики и деятельности, наиважнейшими из которых, помимо обращения немцев с военнопленными, были поведение немецкой армии, деятельность айнзацгрупп и отношение Германии к разгоравшейся партизанской войне.

Политика подразделений немецкой армии варьировалась от жестокой враждебности до сочувственного сотрудничества с местным населением. Хотя многие офицеры не имели ничего против народа, покуда тот не проявлял открытой враждебности к немцам, некоторые из них отличились особым фанатизмом и подхалимством. Один из самых решительных нацистских командующих, фельдмаршал фон Рейхенау, стоявший во главе 6-й полевой армии, в октябре 1941 г. издал директиву, заслужившую личное одобрение Гитлера. В этой связи данная директива была направлена всем остальным командирам в качестве образца надлежащей военной политики. Рейхенау писал: «Кормление жителей и военнопленных, которые не работают на немецкие вооруженные силы, за счет запасов армии является таким же актом неуместной гуманности, как раздача хлеба или сигарет... Зачастую советские войска поджигают за собой здания во время отступления. Немецкая армия заинтересована в тушении этих построек ровно настолько, чтобы хватало места для расквартирования войск. В остальном же исчезновение символов бывшего большевистского правления, в том числе зданий, попадает в рамки борьбы на уничтожение. В этом контексте ни исторические, ни художественные соображения на Востоке

роли не играют. Террор немецких контрмер должен быть значительно угрозы остатков большевиков...»

Несмотря на официальные директивы, в рядах вермахта подобное отношение было скорее исключением, нежели правилом. «На русском фронте именно солдаты и офицеры первыми поняли, что такие огромные пространства нельзя завоевать одной лишь армией», – писал один из немецких офицеров на Востоке. Некоторые элементы были «разгневаны совершавшимися в нашем тылу ошибками и преступлениями, за которые нам приходилось расплачиваться собственной кровью».

Розенберг, опираясь на свой собственный опыт, предупреждал об опасной «притягательности Востока». Действительно, в восприятии рядового немецкого солдата вскоре возникло своеобразное сочетание отвращения и притяжения, «очарование и дискомфорт одновременно». Как сказал работнику газеты немецкий переводчик: «Было бы неплохо остаться здесь после войны и помочь восстановить эти земли. Нужно лишь правильно относиться к русским. Нужно стараться понять их чувства; так можно будет завоевать их доверие, и многие из этих бедолаг могут стать любезными и трудолюбивыми помощниками».

Разумеется, сильнее всего Восток манил тех, кто знал другую, прежнюю Россию. Балтийские немцы, русские фольксдойче, а также многие немцы, которые работали и путешествовали по Востоку, теперь вспоминали противоречивый образ старой России, «ту таинственную страну, которую я любил так же сильно, как ненавидел; которая насыщала меня, как никакая другая, и, как никакая другая, заставляла меня голодать...».

В этой смеси сострадания и отвращения элементы восхищения и сочувствия были слишком сильны, чтобы нацистские лидеры могли закрыть на них глаза. Пропагандисты намеревались нейтрализовать их лейтмотивом о том, что «старой доброй России больше нет», еще больше усилившим одержимость концепцией «недочеловека». «Всего за четверть века, – заявляли они, – этот огромный народ буквально потерял свое лицо и превратился из внутренне и внешне здоровой, вмняемой нации крестьян в серую, ограниченную массу с атрофированным телом и вязкой душой». Наблюдая за оборванными и заморенными советскими военнопленными, немцы в притворном отчаянии задавались вопросом: «Где же те добродушные русские крестьяне, представители русской интеллигенции, помещики или старые русские офицеры? Русского народа больше нет!» Советское существо было лишь роботом – «бездушные люди, орудия, пешки в руках Сталина и советских евреев».

Субъективно население на Востоке ощущало разницу между отношением к нему солдат – руководствовавшихся практическими соображениями в деле достижения победы в войне – и большей частью немецких властей. Но относительно мягкая политика армии едва ли могла уравновесить другие, заметно более негативные явления, которым подвергались люди. Одними из самых существенных таких явлений стали массовые ликвидации, проводимые айнзацгруппами гиммлеровских СД.

Их история более известна, чем большинство аспектов восточной трагедии. Недаром истребление миллионов мужчин, женщин и детей было названо «самым ужасным преступлением в современной истории». Можно сколько угодно критиковать справедливость Нюрнбергского процесса, но уличить его в преувеличении варварств айнзацгрупп нельзя. Эти группы особого назначения, сформированные примерно за четыре недели до начала вторжения, следовали за армиями на Восток с целью истребления евреев, коммунистических лидеров и других «нежелательных» элементов. Один из четырех командиров айнзацгрупп, Отто Олендорф, заявил, что в течение первого года кампании группа под его командованием ликвидировала около 90 тысяч мужчин, женщин и детей. Деятельность этих команд была продиктована не военной необходимостью, а исключительно идеологическими соображениями.

Каким бы ни было отношение советского населения к своим еврейским согражданам и даже к комиссарам, эффект от зверств айнзацгрупп, по-видимому, был поразительно схожим

в большинстве районов. Они порождали ужас, неверие и, наконец, страх того, что никто не может быть в безопасности, никто не застрахован от террора. СС стали самой презираемой и самой опасной немецкой организацией; а остальные немецкие ведомства следовали за ними по пятам, тщетно пытаясь убедить людей в том, что эти целевые группы «не имеют отношения к немецкому народу». Глубокий и непоправимый урон уже был нанесен.

Око за око

Одним из самых примечательных, но наименее изученных аспектов войны является борьба советских партизан против оккупационных сил. Поначалу основная масса населения на оккупированных территориях, по-видимому, слабо поддерживала партизанские отряды, сформированные советскими властями. Первые партизанские отряды часто распадались и сдавались. Немецкое вторжение пришло с такой скоростью, что системная организация партизан была сильно подорвана. Последующий рост партизанского движения, хоть оно и получало материальную поддержку со стороны советской власти, был возможен только после того, как были выполнены два условия: немецкая политика в отношении военнопленных стала достаточно известной, чтобы побудить многих отставших солдат Красной армии внести свой вклад в партизанское движение вместо того, чтобы сдаться немцам; а немецкая политика в отношении гражданского населения стала настолько беспощадной, что все больше рядовых солдат предпочитали опасности партизанской войны «гражданской жизни» под немцами. Однако уже на первых этапах войны применение немцами грубой силы и террора в борьбе с партизанами подстегнуло значительное количество отставших красноармейцев примкнуть к партизанскому движению.

Относительная непопулярность партизан в первые месяцы войны ставит особый взгляд на усилия Германии по их устранению. Порожденная военными соображениями, а также ощущением физической опасности, изоляцией и самообороной на оккупированной земле, решимость немецкой армии зачистить партизан «любой ценой» демонстрирует некую двойственность. Тот самый утилитарный подход, в свое время раскритиковавший приказ о комиссарах и «колонизальную» политику за то, что они лишь укрепили врага, теперь настаивал на проведении армией «профилактики террором». Однако террор и неистовое запугивание вынудило значительную часть населения вернуться в советский лагерь.

Как и с военнопленными, «прагматичный» экстремизм армии в партизанском вопросе усилил «идеологический» фанатизм нацистского руководства. Поначалу Гитлер не обращал внимания на потенциальную опасность, которую партизаны представляли для его военных операций. Все еще убежденный в том, что до победы было рукой подать, он даже с радостью встретил новые предзнаменования войны на истребление. «У этой партизанской войны, – сказал Гитлер своим сподвижникам, – тоже есть свои преимущества: она предоставляет нам возможность истребить любого, кто встанет у нас на пути». Отправляя командиров тыла на зачистку очагов сопротивления, Верховное командование соответствующим образом постановило: «Главным принципом во всех предпринимаемых действиях и мерах является безусловная безопасность немецкого солдата... Русским не привыкать к жестоким и беспощадным действиям со стороны властей. Обязательное и стремительное умиротворение России может быть достигнуто только в том случае, если мы безжалостно разделаемся с любой угрозой со стороны враждебного гражданского населения. Сострадание и снисходительность являются проявлением слабости и представляют опасность».

«Коллективные силовые меры» должны применяться незамедлительно в случае даже «пассивного сопротивления», при котором преступника нельзя было выявить сразу. Отказавшиеся добровольно сдаться в плен советские солдаты за линией фронта считались повстанцами, и «обходились с ними соответствующим образом».

Этих инструкций было недостаточно для искоренения партизан. В середине сентября с согласия фюрера Верховное командование выпустило новую директиву. Ссылаясь на все оккупированные Германией регионы по всему континенту, Кейтель радикально «упростил» ответственность за враждебные действия: «При любом проявлении активной оппозиции против немецких оккупационных властей вне зависимости от обстоятельств предполагается коммунистическое происхождение».

Такое отношение неминуемо вынудило многих некоммунистов примкнуть к «московскому лагерю». Поскольку «сдерживающий эффект мог быть достигнут только с помощью особой суровости», Верховное командование санкционировало жестокое возмездие против ни в чем не повинных людей: «Соразмерной расплатой за жизнь немецкого офицера считается смертный приговор от пятидесяти до сотни коммунистам. Средства приведения приговоров в исполнение должны еще больше усилить сдерживающий эффект...»

Было очевидно, что такая политика исключала сотрудничество, а тем более «союз» с населением Востока.

Ленинград

Несмотря на то что Ленинград был важной целью, немецкие довоенные планы не регламентировали его судьбу конкретным образом. Изначально Гитлер собирался сохранить его, считая его «несравненно красивее» Москвы, которую необходимо было сровнять с землей как «центр [большевистского] учения». Когда идея разгрома вражеских городов укоренилась, фюрер вскоре добавил в список и Ленинград. 8 июля Гальдер отметил, что «фюрер твердо решил уничтожить Москву и Ленинград и сделать их непригодными для жизни, чтобы освободить нас от необходимости кормить население зимой...». Однако материальные соображения, вероятно, были не более чем удобной отговоркой для армии. Гальдер упоминал более утонченные причины, выдвинутые Гитлером по тому же поводу: уничтожение этих городов было бы равносильно «национальной катастрофе, которая лишила бы не только большевизм, но и великорусский национализм их центров». Через неделю Гитлер сообщил своим сподвижникам о предстоящих переговорах со своими финскими союзниками. Согласно бормановскому протоколу конференции, «фюрер хочет сровнять Ленинград с землей, чтобы затем передать его финнам».

В начале сентября немецкие войска стремительно приближались к городу, и Верховное командование было настолько уверено в победе, что перенаправило бронетанковые и воздушные соединения с фронта под Ленинградом на юг. Гитлер сообщил Муссолини, что захват города неизбежен. Шлиссельбург пал, Ленинград был отрезан, петля медленно затягивалась. Между тем Берлин подготовил мир к «исчезновению» бывшей столицы России на Неве. У нацистов было заготовлено оправдание: немцы якобы обнаружили советский план уничтожения города.

Тем временем армия тайно рассматривала различные варианты дальнейшего развития событий после падения Ленинграда. Стандартная оккупация была отвергнута, так как «в таком случае ответственность за продовольствие останется на нас».

Второй вариант заключался в том, чтобы запечатать город, «если возможно, с помощью окружающей его проволоки под напряжением и под охраной пулеметов». Недостатком этого решения был бы не голод населения, а «риск распространения эпидемии на наш фронт». Более того, было «неизвестно, станут ли наши солдаты стрелять в пытающихся прорваться женщин и детей». Третьим решением было бы эвакуировать стариков, женщин и детей из Ленинграда, «а остальных оставить на голодную смерть». Теоретически приемлемый путь, однако и он был отвергнут из-за новых проблем, которые он создал бы, а также потому, что «самые сильные долго смогут выживать в городе». Четвертый же вариант заключался в том, чтобы уничтожить

город и затем передать его финнам. Это было «неплохим решением с политической точки зрения», но Верховное командование в соответствии с мнением Гитлера решило, что нельзя было предоставлять финнам разбираться с населением: «Это будет нашей работой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.